

ДМИТРИЙ АГАЛАКОВ

ОХОТА НА ВЕПРЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Дмитрий Агалаков

Охота на Вепря

«ВЕЧЕ»

2017

Агалаков Д. В.

Охота на Вепря / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-9275-8

Конец девятнадцатого века. Петербургский сыщик Петр Ильич Васильчиков, в силу обстоятельств поселившийся в провинции, получает приглашение от графа Кураева приехать к нему в усадьбу. Старый граф просит детектива раскрыть одно преступление и проследить за известным всему Поволжью человеком – купцом первой гильдии Дармидонтом Кабаниным. Никто не берется мериться с ним силами – чиновники подкуплены, запуганы простые люди. Крупные вельможи опасаются связываться с воротилой-нуворишем. Петру Ильичу предстоит пуститься в полное опасностей путешествие. Губернии Средней Волги, Восточная Европа, Дальний Восток и Пекин – по этим маршрутам отправится частный сыщик Петр Ильич Васильчиков, чтобы разрушить империю, созданную Вепрем, и узнать роковую тайну, которую на протяжении трех столетий хранили предки двух соперничающих родов.

ISBN 978-5-4444-9275-8

© Агалаков Д. В., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава первая. Хозяин поместья Горбатое	6
1	6
2	9
3	14
Глава вторая. Марфуша	16
1	16
2	19
Глава третья. Лицом к лицу	32
1	32
2	34
3	35
Глава четвертая. Разговор с призраком	41
1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Агалаков

Охота на Вепря

© Агалаков Д.В., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава первая. Хозяин поместья Горбатое

1

С каждым человеком случается такое хоть раз в жизни: одна-единственная весточка, несколько строк в письме меняют всю его жизнь. Переворачивают раз и навсегда. И грозным событиям, вызванным теми строками, в будущем суждено нанести незаживающую рану вашему сердцу. Кто бы мне сказал, что уже скоро я окажусь в бурном водовороте опасных приключений, из которых мне никогда не суждено будет вынырнуть прежним человеком, как это бывало раньше. И что никогда потом я не найду себе покоя. Но куда было уйти от судьбы? Роковое письмо уже лежало в толстой сумке почтальона, который торопился сейчас по рыхлому снегу к нашему с братом дому в Самаре, на улице Панской...

А стояла ранняя зима. Был воскресный день. Только что по всему городу отзвенели колокола, приглашавшие к обедне. Иван Ильич еще утром уехал к пациенту, и срочно, старый слуга Прохор подавал на стол. И делал, как всегда, все размеренно и неторопливо. На столе уже дожидались пироги с телятиной и луком, копченая стерлядь и пол-литровый графин водки. Иван обещался присоединиться после трех, но запаздывал. Я же сидел в плетеном кресле у окна в столовой и терпеливо ждал брата. Перекинув ногу на ногу, курил папиросу и листал «Самарские ведомости». Хоть бы одно толковое происшествие, думал я, способное заинтересовать сыщика, однажды вынужденного бросить Петербург и уехать домой в провинцию. На фоне мелких краж и хулиганств, происходивших в Самаре, в глаза ярко бросалось происшествие в соседней Семиарской губернии. Как писалось в заметке: «1 декабря 1998 года в Семиарске был взорван начальник полицейской управы полковник Толоконников, Аристарх Иванович, с адъютантом и закройщиком, который привез для примерки новый мундир г-на полковника. Злоумышленники-революционеры прошли через пустовавшую приемную, вошли в кабинет, бросили в Толоконникова портфель с бомбой и были таковы. На улице террористов ожидала тройка». – Я затаился поглубже, выпустил струйку дыма в сторону окна и дочитал: – «Вызов, с которым было совершено это преступление, обескуражило и парализовало всю полицейскую управу и не позволило вовремя организовать погоню. Преступники скрылись. Объявлен розыск».

– Вот ваш батюшка, царство ему небесное, толк в щах знал, – привлекая мое внимание, рассуждал старый слуга Прохор, расставляя по столу, на белую скатерку, тарелки и неспешно раскладывая приборы. – И говаривал, бывало: сама матушка Елизавета Петровна, императрица, предпочитала любой другой трапезе – щи. А в чем вся соль истинных щей, именуемых царскими, а, Петр Ильич? – глядя на меня, задался вопросом старый слуга. – Скажете мне?

Я смотрел на него из-за верхнего края газеты.

– В чем соль царских щей?

– А-а, не знаете, а лет уже немало, – многозначительно ответил старый слуга, – упустил покойный батюшка ваше образование. – Он развернулся и потопал из столовой. «Цену набивает», – про себя решил я. И вскоре услышал его шаркающие шаги – Прохор в стеганых прихватках осторожно внес в столовую раскаленный чугунок, поставил его на опаленную деревянную подставку. – В копченых говяжьих ребрышках, вот в чем соль, и в добром ломте копченого жирного окорока, – со знанием дела ответил наш слуга. – Они-то и... – он задумался, – «и придадут щам их незабываемую суть», так, бывало, говаривал ваш батюшка, Петр Ильич, царство ему небесное, – Прохор открыл чугунок и махнул широкой рукой в свою сторону клубящийся пар. – И в капустном рассоле, который также следует добавить

для крепости, и поболее. – Терпкий аромат, так и валивший от щей, забирался в ноздри, резал и томил желудок. – Вот тогда и будут щи воистину царскими!

Сказал и закрыл крышку чугунок, как затворяют ворота перед носом непрошенного гостя.

– Да я с ума сойду, слушая твои рассказы, – честно признался я. – Когда Иван вернется, одному богу известно, а щи вот они, – кивнул я на стол. – И что мне прикажешь делать?

– Так вы пока рюмочку-то выпейте, – посоветовал Прохор и кивнул на запотевший графин. – И рыбкой копченой закусите – аппетит нагуляйте.

– Так выпил уже и закусил, – ответил я. – Нагулял аппетит-то.

– А вы вторую, ради любопытства, Петр Ильич, усугубите. С вас не убудет.

– Да и вторую усугубил, душа ты окаянная. – Я опустил на колени газету. – А ты надо мной все измываешься.

– А вы и третьей не побрезгуйте, – строго молвил старый слуга и двинулся из столовой. – Пойду хлеб нарежу, сердцем чую, Иван Ильич уже на подходе!

– Императрица Елизавета Петровна, дабы ты знал, от обжорства померла в пятьдесят два года, добаловалась жирными щами! – бросил я вслед старому слуге.

– Кто от щей-то помрет? – как от назойливой мухи отмахнулся Прохор. – Дурак разве что. Или черт. – И скрылся.

Ждать Ивана не было мочи. А коли бричка по дороге сломалась? А если еще кто-то приболел да упросил остаться? «Не буду ждать», – решил я. Но едва сел за стол, как весело забился колокольчик в прихожей. А за ним и хлопнула дверь.

– Чуяло сердце, Иван Ильич вернулся, – спускаясь, сказал Прохор.

И скоро в столовую вошел мой младший брат, раскрасневшийся с мороза.

– Почтальон принес письмо, – сказал Иван. – У парадного перехватил. Ты нужен некоему графу Кураеву из Семиярска, – он протянул мне конверт. Глаза его, едва охватили стол, так и вспыхнули: – Жаждались меня? И правильно! – Он растер подмерзшие руки. – У купчихи того, Мясоедова, поел слабовато, спешил, разговор был никудышный, он мне все про свое ремесло долдонил, как просо лучше продавать, а говорить с его домочадцами – так лучше сразу повеситься. Вот я деру и дал, а потом уж, по дороге, пожалел, что не стерпел их трескотни. Дорога-то длинной вышла! Погоди, сейчас только руки сполосну да переоденусь. Прохор, где ты?! Готовь-ка ванну! Тотчас же после трапезы и полезу! Подождешь, Петр Ильич?

– Два часа ждал, еще пять минут подожду, – я налил брату рюмку водки: – Выпей с дороги – повеселеешь.

Иван выпил и пошел переодеваться. Прохор взялся разливать по тарелкам ароматные щи.

Я же распечатал конверт и вытащил сложенный вдвое лист бумаги. Автором письма был Александр Александрович Кураев, потомок древнего аристократического рода, его Семиярской ветви. Я слышал об этом человеке из соседней губернии, который десятилетиями, по слухам, вел закрытый образ жизни.

Распечатав письмо, я прочитал следующее:

«Многоуважаемый г-н Васильчиков, здравствуйте!

Я немало слышал о Вас, как о достойнейшем в наших краях и за его пределами сыщике, к тому же потомственному дворянине, поэтому смею просить Вас о профессиональной услуге и надеюсь на Ваше согласие. Самому мне не справиться с этим делом, и тем людям, которых я знаю и которым доверяю. Мне необходима именно Ваша помощь, и чем быстрее, тем лучше. А еще правильнее сказать – без отлагательства. Дело, меня интересующее, сопряжено с опасностью, но будет мною более чем хорошо

вознаграждено независимо от исхода. Если Вы не заняты в ближайшие две недели, прошу покорно приехать ко мне под Семиярск, в имение Горбатое.

Буду ждать Вас с нетерпением!

Ваш покорный слуга, граф А.А. Кураев.

1998 год, поместье Горбатое».

– Однако, – пробормотал я, складывая письмо. – Семиярск, граф Кураев, Горбатое. Однако...

Вошел Иван. Пока он садился и заправлял за воротник салфетку, я сказал наблюдавшему за нами слуге:

– Прохор, голубчик, погуляй поди. Мне с братом поговорить надобно по душам.

Мы выпили по стопке водки, закусили рыбкой. Иван Ильич ждал. А когда выпили по второй, я вновь развернул письмо и вслух перечитал его.

– Что скажешь? – спросил я.

Иван Ильич, прихватив с блюда кусок пирога с телятиной, задумался.

– А что я скажу, Кураевы – люди известные, и не только в своей губернии. Во всем Поволжье. И богатые, насколько я знаю. У них, кстати, и в Самарской губернии земля есть. Даже если ты и откажешься, они за беспокойство с тобой расплатятся. Жаль только, я тебе компанию составить не смогу. Это у тебя нынче клиентов маловато, а у меня пациентов вдоволь! Сам знаешь: поползла инфлюэнция, и смерти даже были, и теперь каждый доктор на вес золота.

– Знаю, знаю, – кивнул я.

– Не по Самаре кататься – в другую губернию ехать! Мне никак, а ты поезжай. Глядишь – и соберешься в кулак. Тебе, известному сыщику, привыкшему к столичным делам, к Петербургу, да волею судьбы застрявшему в провинции, опостылела такая жизнь. Признаться, устал ведь спать до полудня и чай гонять до полуночи?

Иван бил не в бровь, а в глаз. Все так и было. Уже больше года как я попал в немилость к одному крупному столичному вельможе, чья темная тайна мне стала известна во время одного расследования, и был вынужден покинуть Санкт-Петербург. И теперь я преступно маялся бездельем!

– Ну, предположим, до полудня я не сплю, – ответил я, – а чай гоняю порой и до двух ночи, потому что много читаю, но все равно тебя я понял: мне стоит проветриться. Так и сделаю – поеду. Еще будешь, Иван Ильич? – я улыбнулся. – Душа просит?

– Еще бы! – усмехнулся Иван, с аппетитом употребляя пирог. – Для души я и от четвертой не откажусь! Устал с дороги, Петр Ильич! Потом искупаюсь и спать завалюсь. Встал-то в шесть утра! Если поедешь, то когда?

– Дороги крепко замело. Мне еще через две речки сигать. Крепок ли будет лед? Если поеду, то рано утром: вечером, дай бог, буду в Семиярске.

– Вижу, что уже все решил, – понял мой брат. – Прохора хоть возьми, все в помощь.

– Прохор – помощь лампу керосинщику в починку снести, да щи с умом разлить по тарелкам. Один поеду.

– Ну, смотри, тебе виднее, – Иван запустил ложку в чашку со сметаной, положил в щи. – Тянет бродягу дорога, а, цыганская твоя душа? Засиделся ведь. Наливай, братец, по полной наливай!

2

Рано утром в санях я выехал из Самары в юго-восточном направлении. Дорога на Семиярск была прямая, если не брать в расчет речки Кинель и Черемух. Но и через них я перемахнул скоро: лед на этих речках вставал уже в конце осени.

Стемнело, когда я, прокатив через легендарный Семиярск, устремился в сторону Симбирска, и еще миль через пятьдесят, узнавая по дороге, где владения Кураевых, приблизился к их усадьбе. Властный каменный дом с флигелями стоял крепко и горел лишь пятком огней. Скоро мне открыли ворота, еще минут через пять обо мне докладывали графу. Тут лакеи были не в пример Прохору – в ливреях на Екатерининский манер!

Едва я, немного подмерзший, сбросил шубу на руки одному из слуг, как увидел и хозяина дома – высокого, худого, но величавого старика с густой шапкой серебристых волос. Он, не скрывая радости на лице, спускался ко мне по широкой лестнице в парчовом домашнем кафтане.

– Знал я, господин Васильчиков, сердцем чувствовал, что приедете! – пожимая мою руку, сказал граф. – Как добрались?

– Все благополучно, ваше сиятельство, – сказал я.

– Александр Александрович, – вежливо поправил он меня. – Без церемоний. Мне так будет приятнее. Сейчас отужинаем, попробуете моей абрикосовой водки, а потом и к делу.

– Не откажусь, не откажусь, – ответил я. – Хорошую стопку настойки сразу выпью, а потом и за стол можно.

– Вот и отлично! – воскликнул граф. – С морозу-то и дороги дальней – сам Бог велел! – И, меняя тон, зычно крикнул: – Митрофан!

Тотчас появился слуга в ливрее с круглым серебряным подносом в руках, на котором стоял тяжелый хрустальный фужер – добрая четвертушка! – с темно-золотистым напитком.

– Та самая, абрикосовая, – заметил граф.

– Каждого гостя так потчуете? – спросил я, принимая фужер.

– Дорогого гостя, – поправил меня граф.

– Будем здоровы, – кивнул я и выпил все до самого доньшка, и тотчас почувствовал, какое благотворное тепло разливается по моим жилам. – Воистину амброзия, Александр Александрович. А рецепт дадите? – решил пошутить я.

– С вами, Петр Ильич, я готов поделиться многим, – многозначительно ответил граф.

Я привел себя в порядок с дороги и вскоре был препровожден в просторную графскую столовую: тут уже стремительно накрывался стол, расставлялась слугами и кухарками посуда и яства. Домашние графа поглядывали на меня с любопытством. Впрочем, как я понимал, у живущего замкнуто Кураева каждый гость был объектом особого внимания.

Мы трапезничали неспешно, хотя я и проголодался в дороге не на шутку. Да и настойка разожгла аппетит.

– Простите меня, Петр Ильич, можно задать вам личный вопрос? – за трапезой спросил граф.

– Попробуйте, Александр Александрович, – ответил я.

– Как случилось, что вы, врач, вдруг стали татей ловить?

– Чего только в жизни не бывает, верно? – усмехнулся я. – Мой дед был военным врачом, в Крымскую кампанию у Пирогова служил, там и погиб, когда англичане Севастополь бомбили. Но до того он сыну завещал профессию; мой отец его волю исполнил, был врачом на Русско-турецкой войне. Руку под Плевной потерял. Отец, царствие ему небесное, во мне с моим младшим братом Иваном тоже видел врачей. Мы его волю исполнили: стали военным эскулапами. И тут – его величество случай. Шло следствие по делу об убийстве неко-

его капитана сорок шестого пехотного полка. Я исполнял роль медицинского эксперта. И не удержался – превысил полномочия. обстоятельно доказал, что преступником был не кто иной, как некий подполковник, с чьей женой капитан состоял в связи. Вышестоящее начальство готово было сделать все, чтобы скандальному делу не был дан ход. Я настоял на обратном. И очень скоро, по понятным причинам, мне ничего не оставалось, как только оставить военную службу. Я вернулся в Петербург. Шесть лет отдал криминалистике. За это время раскрыл более семидесяти преступлений, как минимум десять из них произошли в высшем свете. Стал широко известен. Каюсь! Мне везло, но до поры до времени, пока однажды я не оказался на пути влиятельного столичного вельможи, некоего г-на N, не хочу называть его имени. Он употребил всю свою власть, чтобы избавиться от чересчур пронизательного выскочки-провинциала. Я был предан недавними своими покровителями опале и покинул Петербург. Вот такая история, ваше сиятельство.

– История, достойная уважения, Петр Ильич.

Когда же граф понял, что первый мой голод утолен, он отослал прислуживающих нам людей и, бросив салфетку на стол, сказал:

– Так что же, любезный Петр Ильич, готовы ли вы меня выслушать?

– Я весь внимание, Александр Александрович.

– Но хочу предупредить, ни одно слово не должно стать доступным для чужих ушей, – он был очень серьезен, цепко и требовательно смотрел на меня, своего гостя, которого видел впервые. – Я могу на вас положиться?

– Могли бы даже не предупреждать об этом, – тоже откладывая полотняную салфетку, заметил я. – Впрочем, да. Конечно. Вы можете на меня положиться.

– Отлично, Петр Ильич. Итак, дело мое следующее... Есть один человек, купеческого рода, с которым меня связывают определенные отношения. И не только меня с ним. Эти отношения связывали моих предков с его предками.

– Графы Кураевы и низшее сословие? Каков же был, выражаясь языком юриспруденции, характер этих отношений?

– Очень загадочный и даже необыкновенный характер. – Кураев подлил себе вина, прицелился взглядом к моему бокалу, но он был полон. – Представьте, что их связывала особая тайна, и тайна эта передавалась из поколения в поколение. И вот теперь мы стали ее носителями...

– И кто же этот человек? – спросил я.

– Купец первой гильдии Дармидонт Кабанин, – ответил хозяин дома.

– Вот оно как? – удивился я. – Мне знакомо это имя!

– Еще бы! Он и фантастически богат, и знаменит своими баржами и заводами, и его проклинают тысячи обездоленных им крестьян. – Граф сделал глоток вина. – Тех самых, у которых он отбирал за долги их землю, прежде скупая векселя по займам и проделывая другие коммерческие операции. Да и купчишки что помельче, у которых он отбирает их дело, и мещане, тоже не пожелают ему счастья. И все с него как с гуся вода!

– Хорошо, что вы напомнили об этом, ваше сиятельство, – отозвался я. – Его называют мироедом, а еще тем, кто позорит купеческое сословие.

– Именно! Он – страшный человек. Есть купцы богобоязненные, что богадельни да церкви возводят, но не он! Этот – самый безжалостный из торгового сословия на всей Средней Волге. Правда, он тоже один храм возвел, хвалился: до самого неба будет! К нему настоящий «царь-колокол» отлили, а когда вешали – упал колокол. Разбился! Второй отлили – и тоже сорвался – и на куски. Это у нас, в Семиарской губернии, было.

– А третий колокол? – спросил я. – Был?

– И третий был, – кивнул граф. – Догадались уже? То же самое. Дьячка накрыл. Раздавил. После этого митрополит наш Авессалом сказал: хватит. Более от Кабанина нам подар-

ков не надо. И ведь помер вскоре митрополит. Не хворал, а тут взял и помер. А церковь ту обходят стороной теперь. Так и стоит, как обелиск, с пустыми окнами.

– Провидение Господнее?

– А как иначе?

– И вы, зная это, вели с ним дела?

– Нет, Петр Ильич, все не так! Я не вел с ним дел. Ни торговых, ни приятельских. Но судьба свела нас крепко. И не мы с Дармидонтом Кабаниным тому виной. Что было тому причиной, сказать вам не могу, не смею. Это не мой секрет. Просто поверьте мне на слово. Но я не укрою от вас ничего, что поможет вашему расследованию.

– Но я пока еще не дал согласия на это расследование, – откликнулся я. – Вначале я должен узнать, что мне делать. Поэтому слушаю вас, Александр Александрович, продолжайте.

– Да-да, Петр Ильич, – кивнул он, – продолжаю. Я уверен, Дармидонт Кабанин из тех людей, кто матери родной не пожалеет для своей выгоды. Но одной тайной были связаны не только мы – Кураевы и Кабанины, но еще и помещики Сивцовы. Это был своеобразный триумvirат, Петр Ильич. Сразу хочу сказать, Сивцовы были нашими лучшими друзьями, из меньших, так сказать.

– Дворяне дома Кураевых? – спросил я.

– Угадали, – кивнул старый граф. – Сивцовы ходили в битвы вместе с Кураевыми, дрались с ними плечом к плечу – и с поляками, и с татарами, и с немцами, и с калмыками. Куда мы, туда и они. Увы, в девятнадцатом веке наши роды исхудали своими представителями. Кто погиб на войне, а их было много, войн, кто убит на дуэли. Поместье Сивцовых, Быстровка, стоит на самой границе нашей губернии с вашей, Самарской.

– И что далее?

– Так вот, ровно месяц назад Павел Павлович Сивцов, глава семьи, был убит в своем поместье, в лесу, во время охоты. Я должен узнать, кто это сделал.

– Но при чем же тут Кабанин? Вы же заговорили о нем не просто так?

Граф посуровел:

– Не просто так, Петр Ильич. Поначалу решили, что кто-то случайно подстрелил Сивцова, как это иногда бывает. Встал не там горе-охотник, зазевался, а другой раззява и пальнул. Вот тебе и перст Божий! Да только когда привезли в поместье моего друга сердечного, осмотрели уже тело остывающее, а там не дробь. Пуля. Друг дружку проверили – все дробью били. И тогда один из товарищей Павла Сивцова вспомнил. Он отбил от других охотников во время погони за зайчишкой и увидел трех всадников, уходивших мимо того леса, где охотились друзья-помещики. Все трое на вид показались ему военными, отменно держались в седлах, в теплых бурках все и шапках, но дворянами не были! Бородатые, краснолицые, и ржали, сказал он, так, точно псы лаем заливались.

– Казаки? – спросил я.

– Именно – казаки! И торопились! Как тати, лошадей подгоняли – только бы уйти! А еще, не ружья у них были охотничьи, а винтовки. Этот дворянин – служивый малый, пехотный подполковник в отставке, Русско-турецкую прошел, в трубу-то подзорную все разглядел!

– Трехлинейка Мосина?

– Именно. После того поспрашивал он разных мужичков о той тройке, но никто их в окрестностях не видел и ничего о них не знал. А у Кабанина на службе состоят трое казаков: Никола, Микола и Вакула. Такие вот дела, Петр Ильич. Мне точно надо знать, где были казачки Кабанина в те дни, когда на границе двух губерний шла охота. И вот об этой услуге я и хочу вас попросить. Потому что не просто мне был дорог Павел Сивцов, а очень дорог... И очень нужен, – добавил граф и наполнил бокалы, свой и гостя. – Ну так что, возьметесь, Петр Ильич? Не побойтесь в такое дело ввязаться? Кабанин – зверь лютой. Его еще Вепрем за

спиной зовут. Он о том ведаёт, и такое прозвище ему нравится. Ведь во всем идет напролом: кабан и есть кабан, одно слово. Прознает о вашем намерении – врагом его станете на всю оставшуюся жизнь, и даже я не смогу вам помочь... Так возьметесь?

В глазах Александра Кураева была искренняя просьба, зов о помощи.

– Я возьмусь за это дело, – твердо ответил я. – Даже за честь почту, Александр Александрович. Знаю, за Кабанином многое водится. Помогу.

– Вот и славно. А за мной дело не встанет – отплатить сумею. Верьте мне, друг мой. Завтра же и отправляйтесь. А я вас ждать буду. И прислугу вам дам, – кивнул он, – Степана Горбунова.

– Не стоит, – покачал я головой.

– Еще как стоит! – горячо ответил граф. – Он и сметливый, и стрелять умеет, и кулаки у него крепкие – троих, если надо, уложит. Бывало уже. И за возникшего будет вам, и за кузнеца, коли понадобится, и за пса сторожевого, чего уж тут лукавить. Он – сын человека, который мне по гроб должен. Мой отец его отцу вольную давал, а я еще и землицей спустя время наградил. Но пахаря из Степки не вышло бы. Охотник он по натуре. Я Степана сам учил – и стрелять, и на саблях драться. И ножом он владеет – эту науку сам освоил. Не за жизнь, а за совет стараться будет. Врага мимо не пропустит, а если надо, то пулю вместо хозяина примет. Федька! – громко позвал Кураев. И в комнату тотчас же влетел слуга. – Степку позови, да пусть поторопится.

Через несколько минут в комнату поспешно вошел крепкий и высокий русоволосый молодец лет двадцати пяти. Поклонился вначале хозяину, а потом и мне – гостю.

– Звали, барин?

– Звал, Степан, – кивнул Кураев. – Подойди. – Сам налил слуге кубок крепкой настойки, протянул: – Пей.

Степан с поклоном принял и выпил. Утер губы рукавом поддевки. Федька стоял у дверей, наблюдал. Кураев налил еще и вновь сказал:

– Второй.

Степан выпил и второй кубок. Кураев налил до краев и третий. Федька у дверей хмыкнул.

– Не многовато ли? – спросил я.

– И этот пей – до дна, – вместо ответа приказал граф.

Степан безмолвно опрокинул и третий. Граф же встал, прошел до буфета, достал из ящика револьвер. Положил его перед Степаном, который только что поставил пустой кубок. Прихватил со стола яблоко, медовую славянку, как видно, лежавшую до того в морозной кладовой, подошел к дверям, прижал к ним Федьку и положил ему на русую голову золотистый плод.

– Не хочу я барин, помилуйте, – раскисая, запричитал тот. – Я после первого раза даже заикаться стал. А теперь в портки мочиться буду. Надо ли вам это? Я ж не на конюшне – я ж в усадьбе по хозяйству! Помилуйте, барин...

Я даже боялся вмешаться в эту патриархальную домашнюю сцену – тут свои были правила! Свой уклад...

– Хрен с тобой, – сказал Кураев, снял яблоко с головы слуги и, прихватив Федьку за шиворот, потянул на себя и оттолкнул в сторону.

Да тот и сам готов был пулей сорваться! Покачав яблоко на ладони, граф положил его себе на темечко и ухватился руками за косяки.

– Помилуйте, Александр Александрович, – даже привстав, пробормотал я. – Не стоит того!..

– Стоит, Петр Ильич, стоит, – ответил он.

– Три кубка крепчайшей настойки, Александр Александрович! – я мельком взглянул на безмолвного Степана, готовый сам броситься к Кураеву и остановить жестокое представление. – Помилуйте же! Не для того я сюда ехал, чтобы на похоронах ваших пироги есть!

– С десяти шагов, Степка, не ближе! – приказал граф.

Поняв, что все равно проиграю, я отступил. Еще перепуганный Федька, широко открыв глаза, пятился все дальше – к окну. Степан же взял со стола револьвер, оглядел его, встряхнул, проверил. Встретился взглядом со своим крутонравным хозяином. Граф кивнул ему, в ответ кивнул и Степан.

– Когда скажу «пли», – проговорил Кураев. – Не раньше!

Степан поднял руку и прицелился. Я замер. Затих и Федька у самого окошка, у портьер.

– Пли! – громово скомандовал граф.

И тотчас же последовал выстрел. Я задохнулся – сердце зашлось! А когда через мгновение пришел в себя, то увидел, как Кураев уже стряхивает с седовласого темечка яблочную крошку. Старик неожиданно рассмеялся, как смеется хороший рассказчик, когда его история закончена, и все, открыв рты, смотрят на него. К хозяину подлетел Федька, протянул полотенце. Граф утерся им, прошел мимо Степана, похлопал его по плечу:

– Молодчина. – И с красноречивой улыбкой посмотрел на меня: – Не подумайте, что я выжил из ума, Петр Ильич. Дело уж больно для меня важное. И не только для меня. Вот почему подобную демонстрацию устроил. И еще чтобы поняли, кого отдаю. Кого от сердца отрываю. Возьмете такого?

Степан тоже поглядел на меня, еще не зная, о чем идет речь. Я усмехнулся, разглядывая стрелка: плечи широкие, скулы круглые, взгляд упрямый и цепкий.

– Возьму молодца.

– Петр Ильич Васильчиков, твой новый хозяин, – представил меня Степану граф. – Так будет, пока мне надо. Петр Ильич – сыщик, его в самом Петербурге знают, он обещал мне важную услугу оказать, бесценную, так что делай все, что он прикажет.

Степан уверенно кивнул.

– И молчалив, что тоже кстати. – Граф Кураев наполнил кубок себе и гостю, подмигнул улыбавшемуся до ушей Федьке. – Не надоест по дороге! А?! Так-то. – Федьке, по всему видно, не впервой были такие вот выкрутасы хозяина. Граф выпил вина, усмехнулся: – Завтра же утречком ранехонько и отправляйтесь, Петр Ильич. А я пока письмо напишу – Пантелею Ионовичу, управляющему покойного Сивцова, чтобы принял вас нежно и с уважением.

3

Встал я рано утром. Не спалось. Предприятие меня ждало таинственное и опасное. Но оправданное ли? Наконец, кто мне этот Кураев? И так ли нужны мне его деньги? Но слово я уже дал. Но не поспешил ли? Старик явно держал меня на расстоянии от своих тайн, а требовал многого.

Я решил: огляжу усадьбу, подышу свежим воздухом перед завтраком. Набросил полубрюк, добрал до конюшен. Тут остро пахло навозом, соломой. Дверь была открыта. В загонгах топтались лошади. Я услышал мужской голос: «Здравствуй, милый, здравствуй...» Оказывается, хозяин опередил меня! В одном из дальних загонгов, стоя ко мне спиной, Кураев что-то шептал на ухо черному жеребцу с белым месяцем на лбу. Светились белки, черные глаза смотрели на меня подозрительно, но спокойно. Только фыркнул конь, тряхнул головой.

Кураев обернулся.

– А, Петр Ильич, доброе утро.

– Доброе.

– Мой Ганнибал, – представил он коня. – Двухлеток. Самая сила!

– Хорош, – кивнул я.

– А вам не спится?

– Нет, – признался я.

– Понимаю, новое место. Тревоги.

– Еще какие тревоги, ваше сиятельство.

Видимо, мой тон заставил графа насторожиться. Кураев похлопал жеребца по шее, повернулся ко мне:

– Говорите, Петр Ильич, не стесняйтесь.

– Думы меня одолевают, Александр Александрович. И в первую очередь о том, что вы сами препятствуете раскрытию дела.

– И много сказано, и мало, – нахмурился граф.

– Вы – человек щедрый, мой гонорар хорош, но деньги не решат всего. Вы дали мне нужную ниточку, да уж больно клубок ваших загадок велик. Чую, скоро оборвется она. Не за тем вы меня посылаете, чтобы узнать, причастен Кабанин к убийству вашего друга или нет. Совсем не за этим...

– А за чем же тогда?

– А за тем, чтобы, удостоверившись в этом, вы могли решить, почему это понадобилось купцу Кабанину. Что же вас связывает с ним? Какая тайна? Кто он вам: беспринципный стяжатель – именитому графу-филантропу? Нестыковочка выходит, Александр Александрович. Должник вы его? Да нет вроде. Вы и сами богаты. Связи я между вами не вижу: ни в родовой доле, ни в коммерческой, за исключением той таинственной, давней, о которой вы упоминали вчера. Да еще Сивцов в придачу. Чем занимался ваш триумвират? – я решил быть предельно откровенным с Кураевым. – Вот что я вам скажу, граф. Я хороший детектив, и узнаю, кто убил вашего друга Сивцова, но на этом все. Как просили, так и будет, – я не отпускал его взгляда. – Но так ли вам хочется завершить это дело? Только ли вопросом, казаки это были Кабанина, или вы хотите глубоко копнуть? С моей помощью. Сейчас говорите.

– Говорили мне люди, что вы умны и проницательны, – опуская глаза, кивнул Кураев и тотчас открыто, точно извиняясь, посмотрел на меня. – А я, старый дурак, все таился до последнего, осторожничал. Глубже мне надо, еще как глубже.

– Тогда говорите, на чем ваш загадочный триумвират держался?

Кураев нежно похлопал коня по черной мускулистой шее, закрыл загон, и мы вышли из конюшни в чистое зимнее утро. Дымки поднимались от труб далеких изб графского имения.

Ветки покрывал иней. Белые колонны усадьбы позади, державшие портик, казались могучими и легкими одновременно.

– Наших предков объединила одна тайна, – вымолвил Кураев. – Ей более трех веков. И так получается, что мы никуда друг без друга. Суть самой тайны вам не открою – права не имею. Честное слово, – кивнул он, и я поверил ему: теперь не лукавит старый граф. – Но скажу так. Я им обоим – Сивцову и Кабанину – был хозяином в этом деле. Как и мой предок – их предкам. Но, как видно, только до срока я был таковым. Если Кабанин взялся суд вершить. Но начал он не с Сивцова. Пару месяцев назад под Москвой, в Клязьме, был найден мой агент, некто Веригин. С ним переписывался и я, и Сивцов. Веригин вел расследование – следил за Кабаниным и его людьми.

– Дошло до такого, что вы к нему хвоста приставили?

– Именно так. А Веригин был умелым следопытом. Капитан разведки!

– Ого! – вырвалось у меня.

– Да-да, – кивнул Кураев.

– И вы подозреваете в его смерти Дармидонта Кабанина?

– Его, Вепря, – кивнул старый граф. – Как я уже сказал, тайна наша, завещанная дедами, передается из поколения в поколение. Я опасюсь за наших наследников. И в первую очередь мужского пола. Ведь за эту тайну стоять надобно. Стеной! У меня сын, Илюша, в Русско-турецкую погиб, на Шипке. Старший Веригин как раз с ним воевал. Дочь моя, Лиза, в Париже живет. С мужем у них только дочь Анна-Мария, маркиза де Лефевр. Ей всего пять лет. У Павла Павловича Сивцова сыновей не было – только две дочки: Поля и Сашенька. А у Поли – два малых сыночка: Мстислав и Ростислав. А если однажды Кабанин до них доберется?

– А у самого Кабанина есть дети?

– Нет, ему детей Бог не дал. То ли он виноват, то ли жена, а то ли дела предков. История о том умалчивает. Но я слышал, Дармидонт решил жениться на молодой и обзавестись от нее сыновьями.

– И дорого стоит ваше общее дело? – поинтересовался я.

– Очень дорого, Петр Ильич, очень, – закивал головой граф. – Бесценное это дело! У Кабанина душа чернее безлунной ночи. Коли собрался, ни перед чем не остановится – всех положит рядышком, никого не пожалеет. Я ведь и впрямь хотел поначалу от вас только того, чтобы убедиться, кто убил Павла Сивцова. А теперь уже и другого попрошу: если подтвердится худшее, узнайте то, что задумал Кабанин. Все равно как.

– Все равно?

– Вы не ослышались. Письмо ли это будет, человек болтливый или просто предатель. И не удивляйтесь, если дело коснется драгоценных камней, злата-серебра, сокровищ невиданных. Таких, какие только у царей и бывают! – Граф Кураев потупил взгляд, но очень быстро поднял глаза. – Например, короны последнего византийского императора...

– Константина Двенадцатого?

Недавно потухшие, глаза графа Кураева по-мальчишески вспыхнули:

– Да, Петр Ильич! В том числе, – кивнул он. – В телеграммах те сокровища, если будет в том нужда, «зерном» именуется. Кто знает, какие связи и где у Дармидонта Кабанина? Он многих купил! – Граф кивнул: – Согласились на работу такую, извольте: я вам хоть частью, но открылся. Но теперь и цену подниму, Петр Ильич, за труды ваши – втрое подниму! Идемте чай пить, червяка морить, а потом уж и в дорогу!

Глава вторая. Марфуша

1

В десять утра мы выехали на широких графских санях. Тройка белых рысаков с бубенцами везла нас. На козлах, в тулупе и шапке, сидел Степан Горбунов. Он и впрямь оказался молчалив, что мне было по душе. Граф сполна снабдил меня деньгами, нужды я ни в чем испытывать не мог. А уж гонорар мне обещали так и совсем сказочный! И сомневаться, что слово графа окажется невыполненным, не приходилось. В обед проезжали через Семиярск.

– Сделаем остановку, – приказал я. – В центр города давай, в полицейское управление.

Старый породистый особняк в центре Семиярска представлял собой жалкое зрелище. Взрыв оказался сильным! Половина окон второго этажа были выбиты, рамы обгорели, стена почернела. На фоне декабря и чистого снега следы катастрофы бросались в глаза особенно сильно и трагично.

У дверей здания караулили пятеро полицейских. Я выбрался из саней. На меня смотрели подозрительно.

– Майор Жабников здесь? – спросил я.

– А вы кто, барин, будете? – грозно ответил вопросом на вопрос урядник.

– Капитан в отставке Петр Ильич Васильчиков, – отрекомендовался я. – Сообщите обо мне.

Степану я разрешил погреться и поесть в ближайшей харчевне. Мало ли, как долго я задержусь! Уже через пять минут я входил в кабинет к своему старому знакомому.

– Здравствуйте, Семен Семенович.

Рыжий, с проседью, старый служака расцвел, увидев меня. Его светло-серые глаза насобирали много морщинок, так бывает с теми, кто долго жил на юге. Майор Жабников полжизни провел в Туркестане, воюя с кокандцами, хорезмийцами и бухарцами во славу империи. И в штыковую ходил, но чаще выслеживал их и ловил, как ловит охотник опасную дичь.

– Здравствуйте, Петр Ильич, – он встал, обошел стол и обнял меня. – Видите, какое горе-то у нас, – майор покачал головой. – На куски ведь разнесло Аристарха Ивановича, собирали, как после артобстрела. Что ж такое делается-то? Из какого адского пламени эти революционеры повылазили?

– По всей России такая картина, чем вы, семиярцы, лучше?

– Дурная шутка, – покачал головой майор Жабников. – И ведь одной гидре срубишь голову – две вырастают.

– А прижигать надобно обрубки-то. Тогда не вырастут.

– Надобно, Петр Ильич, да не дают, – посетовал хозяин кабинета. – Осудят стервецов, в Сибирь сошлют, ну так они сбегут и опять за свое. Если бы нам, военным, дали самим распорядиться этим делом. Так нет! И говорить не хочу, – отмахнулся он. – Сейчас чаю распоряджусь принести. – Жабников позвонил в колокольчик, отдал распоряжение низшему чину: – Чайник сюда. И баранки раздобудь, Ракитин, или бублики. А то и пряники. Слышишь?

– Так точно, ваше благородие! – четко ответил тот.

– И чтоб не сухие! Ну так что, – когда тот вышел, – каким судьбами в Семиярске? И как дела в старой доброй Самаре? Люблю я ваш городок, особенно пиво ваше, этого, австрияка, как бишь его?

– Фон Вакано.

– Точно!

Скоро мы пили чай с баранками и я рассказывал о «тишайшей» Самаре, растущей благодаря удачливым и норовистым купцам не по дням, а по часам.

– Для меня теперь дело чести найти этих подлецов, – сказал Жабников.

– Зацепки есть? – я откусил полбаранки, отхлебнул чаю.

– Кое-что. Разглядели их. Дворник наш, Ефимыч, все подмечает! Приехали двое на бричке. Видом неприметные. Как они все, эти революционеры. Один похож на чиновника средней руки, борода клинышком, большой портфель. Документы, мол! У другого борода пошире. Этот на козлах сидел. Извозчик. И одежда по случаю – тулупчик, шапка-ушанка. И ведь наглецы отпетые, тот, с бородкой, не постеснялся в самую управу войти. Бедный Аристарх Иванович, небось, китель у зеркала примеривал, пуговички застегивал. – Покачивая головой, Жабников тяжело вздохнул: – Госпожа Толоконникова, когда узнала, сама чуть не померла – сердце схватило. Так вот, Петр Ильич, тот, что на козлах сидел, в какой-то момент решил упряжь проверить. Поспешно слез, и к лошадям. А дворник Ефимыч и заметил, что хромает он, и на левую ногу.

– Уже кое-что.

– И не так хромает, точно ногу подшиб, а будто одна нога короче другой.

– Какой у вас дворник внимательный!

– Не то слово, Петр Ильич, ему бы самому впору сыщиком стать! Вот теперь и будем искать хромого революционера. Подлить чайку?

– Будьте так любезны, – кивнул я.

Жабников налил нам еще чаю, положил себе два куса сахара.

– Мы с вами знакомы давно, Семен Семенович? – спросил я.

– Да уж как лет десять будет, Петр Ильич, – ответил майор.

Это был не визит вежливости. Возможность попить чайку со старым знакомым и поговорить о подлецах-революционерах. Майор Жабников помогал мне, и не раз, в нескольких важных уголовных делах, одновременно касавшихся и Самары, и Семиярска, и Симбирска. Я всецело доверял этому старому служаке – его чутью и острому глазу.

– Меня интересует один человек, – сказал я. – Но о нем, как мне объяснили, можно говорить не везде и не со всеми. Потому что уши у него большие, и повсюду. Вам, я знаю, доверять могу.

– Благодарю покорно, – Жабников взялся набивать трубку. – Да кто же он таков, этот человек?

– Дармидонт Михайлович Кабанин.

– У-у, куда вы, батенька, загнули, – покачал головой майор. – Такое имя лучше и не произносить вслух.

– Стало быть, в самую точку попал?

– Стало быть, – кивнул майор.

– У нас, в Самаре, о нем только слухи ползают. А тут, у вас, в его родной обители...

Майор Жабников набил старую трубку, потрескавшуюся и вонючую, и закурил. Хлопнув портсигаром, закурил и я свою неизменную папиросу.

– А туточки, в Семиярске, он сам змеем переползает, – усмехнулся Жабников. – От одного крупного чиновника до другого. Нет ни одного кабинета, где бы его нога не ступала.

– Включая самые важные кабинеты?

– Именно так, – пыхнул трубкой Жабников.

– Вот и хочу разведку у вас провести.

– Зачем он вам понадобился, Кабанин-то? От него лучше подальше держаться.

– Кто он? На чем делает деньги? Как далеко смотрит?

– Он – зверюга, монстра, – усмехнулся немолодой рыжий майор. – Деньги делает на всем. А смотрит так далеко, куда нам и глаз и не хватит. Слышал я, что Кабанин решил ску-

пить все хлебное дело по Средней Волге. Баржи скупить, мельницы, амбары, туда он и вкладывает свои миллионы. Уже многих подвинул. До Казани добрался, потом до Нижнего поднимется – а вниз, к Саратову подберется. Так что вашу Самару он тоже под себя подгребет.

– Но ведь это еще не все?

– Не все. Он также и лесопилки скупает, и кирпичные заводи, и каменные карьеры. Чуете, Петр Ильич? – кольцо дыма сорвалось с губ и поползло по кабинету майора Жабникова. – Он империю свою строит. Я слышал, что два губернатора, а именно губернатор Симбирска граф Аркадий Аркадьевич Карячинский и наш губернатор, Семиярска, Порфирий Порфирьевич Барбарыкин, так ему обязаны, кредитами и векселями, и бог знает чем еще, что у него в кармане находятся.

– Да неужто все так запущено?

– А иначе чего бы им закрывать глаза на все его выходки? Поневоле согласишься! О городских головах и чиновниках рангом поменьше я уж и не говорю! Я вам больше скажу, Петр Ильич, наш Аристарх Иванович полгода назад, невзирая, так сказать, на лица, открыл дело против Дармидонта Кабанина. И вот – ничего не осталось от Аристарха Ивановича. Только портрет в старой приемной.

– Но ведь его революционеры взорвали, как же так?

– А кто его знает, революционеры или нет, – пожал плечами Жабников. – Революционеру только дай денег и скажи: взорви губернатора, взорви мироеда, и бомбометчик свое дело сделает. Так что я и не знаю точно, кто стоял за этими демонами. Результат важен: был человек – нет человека. А ведь я его предупреждал: плюнь ты на Кабанина. Черт бы с ним!

– Как хорошо я к вам заехал-то, – покачал я головой. – Сколько всего узнал.

– А куда теперь держите путь?

– В одно имение на край вашей губернии. Там помещика на охоте подстрелили.

– А-а, – кивнул Жабников. – Знаю! Недельки две назад, верно? Даже фамилию скажу: Сивцов.

– Верно, – кивнул я. – Павел Павлович Сивцов. Был на охоте, а убили пулей. А скажите мне, Семен Семенович, что за казачки у Дармидонта Кабанина служат?

– Тоже зверюги, под стать хозяину, – теперь уже кивнул майор Жабников. – Сейчас покажу эти морды! – Он встал и подошел к одному из своих шкафов, где у него была картотека, и скоро положил передо мной фотографию. – Досталась по случаю, – объяснил он. На снимке гордо стояли плечом к плечу и смотрели с усмешкой в объектив три мощных казака, один свирепее и удалее другого, в черкесках, бурках и медвежьих шапках. – Вот она, гордость Дармидонта Кабанина, – в глубине души восторгаясь удалью тройки, тоже усмехнулся Жабников. Его палец скользнул по глянцу фотоснимка: – Никола, Микола и Вакула, последний чуть пониже всех остальных. Но это его псы цепные, не более того. Без воображения! Охрана его. Янычары! Порвут на части, фамилии не спросят! – рассмеялся майор и тотчас закашлялся от дыма. – Еще чаю, Петр Ильич?

– Пожалуй, я поеду. Хочу до темна добраться до имения.

– Стало быть, вас наняли разузнать, что к чему?

– Да, там семейное дело.

– Ну так вы меня в курсе дела держите.

– А вы меня, Семен Семенович. Вдруг какая ниточка к революционерам потянется? А от них еще куда? Поеду. Спасибо за чай. Мне еще своего слугу найти надо в харчевенке вашей.

Я встал, поднялся и Жабников. Мы пожали друг другу руки.

– Удачи вам, Петр Ильич, – сказал майор.

2

Проделав половину пути, в одной из деревенок я решил отобедать. Степан ел хорошо и неспешно. Я выставил из походной сумки на стол штоф домашней графской водки.

– Будешь? – спросил я в самом начале трапезы.

– Немного, – ответил Степан.

– Тогда сам наливай, сколько надо. Ты ведь уникум, Степан Горбунов!

Принимая бутылку, тот нахмурился.

– Уникум – это похвала, – улыбнулся я. – То же самое, что мастер! Только большой мастер!

Степан наполнил большую кружку до краев и выпил ее одним махом, не поморщившись. Чокнуться со мной не посмел, только скупно пробормотал: «Ваше здоровье, барин». Закусил крепким бочковым огурцом, которых перед нами выставили целую миску.

– А ты здоров пить, – с улыбкой заметил я. – Откуда ж наука такая? В двадцать-то пять лет? Сознавайся, дружище.

– Еще дед мой учил, – ложку за ложкой поглощая щи, ответил мой возница. – Отец тогда в солдатах был, на турецкой. Вот дед-то и тешился. Назад пойдет самогонка, заблюю, так он опять наливает. И опять. И так пока душа с утробой не примут. А если что – розгами. Как тут не суметь? Она мне что вода, – признался он, – не берет. – Александр Александрович, храни его Господь, однажды на мне десять тысяч выиграл у купца Кабанина.

– Это как же? – теперь уже нахмурился я.

– У того казак Никола пил, у его сиятельства – я. Ну так вот Никола-то свалился, как бык по жилам подрезанный, а я еще и Миколу уложил. Перепил, в смысле. А Вакулу потом на ручках уломал. Всем троим досталось.

– А что ж Кабанин?!

– Дармидонт Михайлович? – усмехнулся Степан. – Люто осерчал! Да в мошну-то полез, некуда деваться было. Слово купеческое против графского дал.

– Да-а, – протянул я и наконец-то выпил стопарь, до того лишь держа его наперевес и слушая собеседника. – А скажи мне, эти три казака, Никола, Микола и Вакула, каковы они?

– Лютые твари, как и сам купец, прости меня Господи. Видел я однажды, как они в кабаке упились, а потом татарина одного, проезжал он мимо, до полусмерти избили, а дочь его умыкнули. Надругались, а к утру отпустили. Кабанин всех купил – и полицию, и судей. Дело закрыли. Слышал, откупного он дал тому магометанину, сказал, выбирай: либо денежки бери и беги отсюда подальше, либо со свету сживу, никого из твоих не помиую.

– Да-а, – вновь протянул я, наполняя стопку.

Уже на полдороге мы повернули в сторону Чердан, а потом и еще левее – на Хмыри. И к вечеру этого же дня наши сани катили по дороге мимо скованной льдом речки Черемух. И едва мы перелетели ее, как впереди заиграло вечерними огоньками широкое село.

– Чувы, барин! – влобопота бросил мой возница. – За ним-то и поместье Сивцовых! Через час там будет, ей-ей!

«Слава Богу, – подумал я, кутаясь в шубу и слушая стальной шелест полозьев по снегу. – Слава Богу...»

Ровно через час мы въезжали во двор недавно так трагично почившего помещика Павла Сивцова. Степана тут знали. Едва он окликнул сторожа: «Это Горбунов, от светлого графа Александра Александровича, отворяйте!» – и тотчас же захлопотала прислуга, и подмерзших гостей проводили в дом.

Пока я сбивал с валенок снег, Степану сообщила пожилая дворовая женщина: «Матушка наша Софья Андреевна едва жива, никак в себя не придет, плачет-убивается!»

Говорила, а сама все подозрительно поглядывала на второго гостя. На меня. Кто это заехал? Не видали раньше! А потом уже и сам Степан по-хозяйски говорил низкорослому мужичку: «Пантелея Ионовича зови, да поскорее! Со мной господин от графа, важный господин, понял? Быстро, быстро!»

И едва мы успели сбросить с себя тулупы, к нам чинно спустился важный и седуусый управляющий, он держал в руках ветвистый и колыхавшийся пламенем подсвечник. Глаза его выдали, беспокойные: что за гость?

– Петр Ильич Васильчиков, дворянин, – представился я. – Уполномочен говорить от лица графа Кураева. – И тотчас увидел, как оживился захолустный мажордом. – Буду благодарен, если вы нас напоите чаем, а затем мы тотчас же приступим к делу.

Пантелей Ионович, окинув меня быстрым цепким взглядом, поклонился:

– Непременно-с, Петр Ильич. – И обернулся к мужичку, с которым по-товарищески разговаривал Степан: – Митька, самовар! И Марфушку позови! Скажи ей: что в печи – на стол мечи! Что б все чин чином было! – Он явно выслуживался передо мной, то и дело угодливо перехватывая мои взгляды. – В барскую столовую! – И не во мне лично было дело, а в том, от кого я приехал. – Скажи Марфушке, скатерку бухарскую пусть постелет! Быстро, чудило!

И уже скоро я услышал женский голос – ясный и звонкий, немного сонный:

– Кого ж это принесло-то в столь ранний час? – «ранний» было сказано с нарочитой усмешкой. – Министра, что ль, какого? Али самого царя-батюшку?

– Царя-батюшку устами своими все не марай!

– Ой, а чем это мои уста плохи? Мои уста и царю-батюшке полюбились бы! – женщина говорила и снисходительно, и капризно одновременно, но не по-барски. – Так поцеловала бы, не отпустил бы!

– Уймись, девка!

– И сразу девка! Пока барыни были, так бы назвать меня не осмелился, а, месье мажордом? Отчего переполох такой, Пантелей Ионович?

И тут я увидел ее, Марфушу. Статную и неспешную, с темно-русой косой через плечо и высокой грудью, с глазами ясными и смеющимися и мягким улыбчивым ртом. Сколько женского лукавства было в ее улыбке! Окажись у девушки русалочий хвост, я бы не удивился!

– Я не царь-батюшка, – оставалось поклониться мне, – но отужинать буду рад. Петр Ильич Васильчиков, – еще раз представился я. – Дворянин.

– А я Марфа Алексеевна Прянина, – поклонилась она. – Из крестьян. По хозяйству тут. А хотите, зовите меня просто Марфушей, только не Марфушкой, как Пантелей Ионович кличет, ну точно собачку, – насмешливо взглянула она в сторону дворецкого, покоробленного ее фамильярностью и острым языком. – Да разве ж не так, Пантелей Ионович?

– Цыц! – оборвал он ее. – Про обязанности свои помни! Стол накрывай, милая, стол накрывай!

– Да накрою я, Пантелей Ионович, накрою, – с той же насмешкой отозвалась она и, вновь оглядев меня с ног до головы, уплыла в другие комнаты. – Для такого интересного мужчины что не сделаешь!

– Вот бестия! – покачал головой дворецкий, аккуратно прихватив меня за локоть и провожая в гостиную. – Это дочки Павла Павловича и Софьи Андреевны так ее избаловали. Ангелочки наши Полина Павловна и Александра Павловна. Марфушка, она рано сиротой оказалась, с ними росла – так втроем и бегали с детства по одним лужайкам! Она ровесницей младшей была, Сашеньки, а для Полины ну точно кукла! Она ее и наряжала, и пудрила. Марфушка и за столом с ними сидела. Господа позволяли! – Зыркин усадил меня на диван. – Водочки с дороги? И яблочко-с моченое на закуску?

– Да пожалуй, – кивнул я. – А Степан мой, как он, не обидите крепыша?

– Вот-вот, обидишь его! Налъют Степану, и шей, и водки нальют, – махнул рукой дворецкий. – Митька нальет. Они – товарищи, а уж Степкин аппетит тут всем известен! – усмехнулся он.

И уже скоро сам поставил передо мной и графин с водкой, и миску с мочеными яблоками.

– На здоровьице! – поклонился Пантелей Ионович. – О чем я начал?

– О Марфуше, хозяйке вашей, заговорили.

– Верно! – он даже руками развел. – Хозяйка еще нашлась! – И едва я выпил, «мажордом» продолжал: – Так вот, про Марфушку-то и про поведение ее бесстыдное. Павел Павлович, царство ему небесное, все говаривал: мол, глаза-то какие?! А голос какой?! Кукла дорогая, и только! Хоть полубарыню, но из нее слеблю. Вот и слепил! Барыни, понятно, не получилось, не тот коленкор! Родом не вышла. А полубарыня вышла! Полукровка, – развел он руками. – Всем нам на великое счастье! И какая! Работать умеет, да не любит. Все на подружек своих глядела – Полечку и Сашеньку. Им-то многое было без надобности. Наукам она выучилась, но, думаю, кое-как. Все больше о принце мечтала.

– Так-так, очень интересно, – выпив вторую рюмку, подбодрил я управляющего.

Я отсюда слышал, как звонкий женский голосок выводит печальную песню, и не сомневался, что это Марфуша. Я был не против за рюмкой водки поговорить о красавице Марфуше, здешней Венере, и потому управляющий нашел во мне благодарного слушателя.

– А как же дальше быть? – продолжал Пантелей Ионович. – А вот так: Полина Павловна и Александра Павловна в Петербург уехали в институт благородных девиц, учиться далее, дамами становиться. Научный эксперимент, так сказать, закончился! Марфушка порыдала-порыдала, подруг нет, скучно ей, и что? С деревенскими девками не ладится. Наши поначалу писали ей, а потом забыли. Другая жизнь началась, другие знакомства и дружбы. А потом обе и замуж вышли. Навсегда для нее канули. Ведь даже пригласи они ее, как вести себя с ней? Тут – подруги невинной поры, а там кто? А никто, – развел руками Пантелей Ионович. – Марфушка поначалу говорила: повешусь. Не повесилась. Рано или поздно за дело надо было браться, как иначе? Кто ж хозяйством заниматься станет? Павел Павлович, опять же царство ему небесное, поняв, что оплошал, хотел было тоже замуж ее отдать: к ней наш священник сватался, худосочный такой, да не полюбил ее поп. С купцом Федуловым еще хуже вышло. Так и сказала ему: мужик ты, мол, неотесанный! Она же в книжках про рыцарей благородных читала! Потом, говорят, – понизил голос управляющий Зыркин, – с каким-то лихим казаком спуталась. Не знаю точно. А после и угомонилась. Разочарование пришло. Книжки возненавидела, ложь, мол, в них и только, и жизнь свою прошлую с барынями тоже. Так вот-с. И все в девках ходит. Это в двадцать-то два года! Вот ее экономкой и определили. А мне так беда с ней: все из-под палки, или вот с такой вот усмешечкой, какую вы видеть изволили! Мол, исполню, воля ваша, но тем самым великое одолжение вам сделаю!

В гостиную вошла Марфуша – предмет нашего разговора. Теплого платка уже не было, молодая женщина переоделась в платье. Ее голые круглые плечи и грудь так и притягивали неяркий свет двух ветвистых подсвечников, освещавших гостиную.

– Петр Ильич, ужин на столе, милости просим, – весело поклонилась она. – Кушайте на здоровье! Я и прислужить вам готова, если захотите! – Марфуша взглянула на дворецкого. – Гостей-то мало, не приведи господь, разучусь!

– Нет-нет, я сам! – быстро откликнулся Пантелей Ионович. – Ради такого гостя – сам!

Так мне хотелось возразить ему, сказать, пусть лучше прислуживает Марфуша, а с вами я попозже разберусь, но смолчал: не хорошо это было, едва переступив порог, уже начинать командовать и ломать устоявшиеся правила! А жаль, очень жаль!..

– Все огляжу, – строго оглянувшись на Марфушу, сказал он. – Нет ли изъянов каких! Шалунья ты наша! – вдруг и недобро добавил он.

И едва Зыркин торопливо двинулся вперед – «все оглядеть» на предмет изъянов, как Марфуша спросила из-за спины:

– После яблок моченых руки помыть не желаете, сударь? И лицо умыть? (Я оглянулся – глаза молодой женщины так и горели!) Пантелей Ионович забыл в спешке предложить, – улыбнулась она. – Мужик он неотесанный, грубиян, хоть и во фрак наряжаться любит! Умывальник-то рядом, я провожу. Так желаете?

– Желаю, – честно ответил я.

И мы отстали, и тотчас же я услышал в отдалении голос камердинера, говорившего с нами: «Стол накрыть – малость, но на самом-то деле – забота превеликая! В былые времена за плохой стол можно было и по физиономии получить! Не так ли, Петр Ильич? Петр Ильич, где вы?!»

А я уже стоял рядом с умывальником, и Марфуша держала в руках чистое полотенце. Едва камердинер вскрикнул, обнаружив пропажу, как молодая женщина схватила меня за руку и горячо шепнула: «Найдите меня, сударь! Нынче же найдите! Многое расскажу!..»

И, едва договорив, сунула мне полотенце в руку. И тотчас же мы слышали грохот башмаков, и перед нами вырос Зыркин, но увидев меня за туалетом, с полотенцем руках, откашлялся:

– Вот вы где, Петр Ильич! А я уж вас потерял! Ступай, Марфушка, – почти грозно сказал он. – Да распорядись, чтобы простыни были белые и накрахмаленные, а подушки пуховые, и взбиты были! Ступай же, ступай...

– Куда мне без вашего совета, Пантелей Ионович?! – хлопнув в ладоши, весело парировала женщина. – Коли бы не вы, я нашему гостю бревнышко под голову подложила, в поверх бы его дерюгой укрыла какой. Да хотя бы той, которую мы бродяжке-богомолице давеча давали, что в дворовой ночевала. Верно, Пантелей Ионович?

– Ступай! – зло бросил он. – Дерзкая ты, ой, дерзкая!

И вновь я смолчал, теряясь в догадках, какие у них отношения, но улыбку мою и взгляд Марфуша уловила. И, уловив, качнув платьем, пошла восвояси – исполнять ценные указания!

– А теперь трапезничать, Петр Ильич, трапезничать! – пропел камердинер Зыркин. – Потчевать вас буду!

И не ужин, и не обед, а ночная трапеза выходила на славу! Я проголодался и ел с удовольствием. Через полчаса, уже согревшись настойкой и утолив голод, я промокнул губы салфеткой и взглянул на управляющего.

Он глаз не сводил с меня во время трапезы! И отводил взгляд лишь тогда, когда сам себя ловил за этой слежкой. Хитрый он был, этот Зыркин!

– Пантелей Ионович, теперь скажите, как часто в последнее время виделся ваш хозяин с Кабаниным?

– Редко! – поспешно ответит тот, тоном давая понять, что ему, как хорошему слуге, известно многое. – Очень редко! Не любили они друг друга, что тут греха таить! Ну так об этом многие знали! Давно у них не заладилось, вот и общение нечастым было!

– Что же они не поделили?

– Павел Павлович человеком был благородным, дворянин из потомственных, на купцов смотрел свысока; а Кабанин – человек дела, а люди дела, как известно, на других людей, что живут за счет поместий, тоже смотрят с таким презрением. Мол, какая вам цена без ваших угодий и титула? Одним словом, разные они были люди...

– Но что-то их связывало?

– Было что-то, – уклончиво кивнул дворецкий. – Но они это между собой держали: не выставляли напоказ.

Я понял, что дворецкий Сивцова, как он ни важничал, а знал об отношениях хозяина и Кабанина крайне мало. Если вообще чего-то знал. Но при этом, и точно, что-то скрывал. И вот это мне и надо было узнать! Но уже давно наступила ночь, и стоило отложить дознание на завтра. Я зевнул, и, едва уловив мою усталость, Пантелей Ионович живо встрепенулся:

– А может, почивать, Петр Ильич? Утро вечера мудренее. Уж и постель-то постелена. А завтра-таки и начнем думать. Тем более, как я понимаю, есть о чем поговорить? Что скажете?

– Скажу, что вы правы, – ответил я, еще раз коснувшись салфеткой губ и оставляя ее скомканной на столе. Разомлевший от доброй еды, встал. – Почивать, любезный Пантелей Ионович, почивать. Ведите меня!

Дворецкий сам освещал мне путь, чинно выставив вперед руку с подсвечником. «Сюда, Петр Ильич, сюда, – приговаривал он. – Флигельки замерзли совсем! – разочарованно сказал он. – А в комнате, что ваша, может, и не так просторно, но там у нас печная труба проходит, да широкая, в полстены, тепло будет! И наливочки вам поставим графинчик, а вдруг не стерпитесь? Я уже распорядился, – заверил он. – Да и пирогов положили – с яблоками и с вишней засахаренной!» «Уж больно лилейно он щебечет! – думал я. – К чему бы это?» Мы проходили по коридору, когда я услышал звонкий женский голос. Звучал он приглушенно, но как звучал! Далеким колокольчиком! «В лу-унном сия-янье, – пела женщина, – сне-ег серебри-ится!..» Я даже замедлил шаг. «Марфуша!» – тотчас догадался я, но постарался скрыть свой интерес от провожатого. А вот он заговорил еще громче, да нарочито: «Спать будете в этой комнатке да после нынешнего ужина – аж до полудня, а то и до обеда! Слово даю! О зиме забудете-с!» Камердинер скоро говорил еще что-то, но я только, раздражаясь, хмурился. Голос! Женский голос! «Вдо-оль по доро-оге тро-оечка мчится!..» Он точно выводил пронзительно-нежную трель! Да-да, Марфуша! А ее припев, это чудесное «динь-динь-динь» – так и совсем обезоруживало. Никто бы другой в этом доме не сумел петь так проникновенно, легко и светло одновременно. Только женщина, способная мечтать и плакать. Только та, которой дано чувствовать тонко и, конечно, любить! Я шел за дворецким, а все прислушивался к ее голосу, таявшему в коридоре поместья, и когда Пантелей Ионович вновь навязчиво заговорил о какой-то безделице, точно и не было рядом этого звонкого и бесценного чуда, я едва сдержался, чтобы не цыкнуть на него, как недавно он цыкнул на красавицу Марфушу.

– Вот и ваши апартаменты, – сказал камердинер, отпирая ключом двери и толкая их вперед. – Прошу, будьте как дома!

Я вошел в хорошо натопленную комнату, принял от камердинера подсвечник и тотчас же сказал:

– Ну, всего доброго, Пантелей Ионович! Спокойной вам ночи! Спать хочу – умираю! В объятия Морфея, и тотчас же! Всего доброго!

И, перехватив ключ, выпроводил камердинера вон. Надоед, приставучий! Но как только шаги Зыркина смолкли, я направился к столу, поставил подсвечник, окинул взглядом ночную трапезу. Все тут было для того, чтобы усыпить меня, добить-таки! И наливка-то двух сортов, и пирогов целое блюдо, да еще половина курицы с квашеной капустой. И миска все тех же ароматных моченых яблок! «Ого! – подумалось мне, – отчего ж я не Гаргантюа? Да они меня хотят не до обеда, а до самого ужина промурыжить здесь! Или хуже того – заворот кишок мне устроить?» Впрочем, не они, а Пантелей Ионович Зыркин. Не было сомнений, это он желал мне самого тяжелого и непробудного сна! Я вернулся и тихонько приоткрыл дверь. Тишина! Я вышел в коридор, запер дверь и двинулся в темноту, а именно в ту сторону, откуда пришел. И вот уже после поворота и еще шагов двадцати я услышал все тот же голосок – высокий, звонкий, чистый! Замерев, я прислушался: «Не брани-и меня-я, родна-ая, что

я та-ак люблю-ю его-о!..» Я сам не заметил, как шагнул вперед, и голос усилился: «Скушно, ску-ушно, до-оро-огая жить одно-ой мне бе-ез него-о!..»

«Господи, что я делаю?!» – думал я, уже стоя рядом с дверью Марфуши. А если это и не она вовсе? Что тогда?! И что мне тут надо?! «Как дурак, как дурак! – озираясь, терзал я себя. – Но ведь я же не просто так тут рыскаю – я сыщик, ищейка!» Притянула ведь она меня за руку, шепнула: «Найдите меня, сударь! Нынче же найдите! Много расскажу!..»

Вдруг щелкнул замок – я весь собрался! – и дверь открылась. И сразу же я увидел силуэт незнакомой женщины на фоне неяркого света. Она шагнула ко мне в ночной рубашке, под которой читалось обнаженное тело. Незнакомой?! Меня обманули длинные распущенные волосы – до самых ягодиц! Контур их широко золотился в дрожавшем пламени свечей в глубине комнаты.

Это была Марфуша! Ее плечи укрывал теплый платок...

– Идите сюда, Петр Ильич, ничего не бойтесь, – шепотом сказал она и, взяв меня руку, потянула через порог. И сразу закрыла дверь.

Ее рука была горячей!

– Для вас я пела, – глядя мне в глаза, тихо сказала она, – чтобы вы услышали! Как иначе до вас докликаться, когда Зыркин повсюду за мной следит? Только чтобы я вам не шепнула чего на ухо, только бы не допустить!..

– А есть что шепнуть? – спросил я.

– Да, – смело кивнула она.

– И что же?

Мой взгляд так и притягивала ее грудь под расстегнутой рубашкой, взгляд искал продолжения под легкой и простой материей!

– Вас смущает, что я раздета, Петр Ильич? – с улыбкой спросила она.

– Я – врач, Марфуша, могу и потерпеть, – оставалось улыбнуться и мне. – Тем более, что я всего на минуту...

– Хотите уйти так скоро? – спросила она, и в ее голосе я услышал иные нотки – задорные, боевые и... нежные. – Неужто, Петр Ильич?..

Она по-прежнему не отпускала моей руки.

– Вы просили меня найти вас, и найти нынче же. Я вас нашел. Что же вы хотели рассказать мне? – спросил я.

– Поцелуешь – скажу! – блеснув глазами, ответила она. (Я усмехнулся – это было смело, отчаянно смело!) А ты и так поцелуешь, – вдруг добавила она, – скажу я чего или не скажу. Так ведь, Петр Ильич?

А ее аромат – и духов, и молодого ухоженного тела – уже проникал в меня, становился моей частью. И еще эта близость – она стояла совсем рядом, и рубашка ее была расстегнута, глубоко открывая большую и нежную грудь. Вот только глаза ее оставались и счастливыми и несчастными одновременно. И я понимал почему: я-то был рядом, но – чужой, пока чужой...

– Тут ведь, в поместье нашем, никого, – вдруг очень просто сказала она. – Зыркин, пропади он пропадом, знает об этом! Так и пытается загнать меня в угол. Однажды чуть не прибила его скалкой, честное слово! Да еще дворня – мужичье. Так одиноко, Петр Ильич, если бы вы знали: в пору в петлю лезть. А я вас едва увидела и сразу поняла: вот он, принц залетный, хоть и на ночь приехал, не отпущу его просто так! – Ее грудь коснулась моего мундира. – Никуда он от меня не денется. – Марфуша улыбнулась, как она это умела – с особым огоньком в глазах, мягкой и обольстительной улыбкой. – А ты думаешь, Петруша, я не видела, как ты на меня смотрел?..

Я с трудом проглотил слюну. Все было ясно, все! И ощущение неминуемой близости и ночи вдвоем обожгли меня, захлестнули жаром. Марфуша все поняла по моим глазам. Она едва успела скинуть с плеч платок, как я сам положил ладони ей на плечи и потянул вниз

рубашку. И уже через секунду она стояла передо мной обнаженной, пылающей, дышавшей порывисто и томно. Сладкой и горячей травой, пряными и душистыми цветами пахла эта женщина здесь – в натопленной комнатухе чужой мне усадевки, за стенами которой хозяйничала зима! Вот тогда я и обнял Марфушу – и руки ее крепко сплелись на моей шее. А губы!.. От этих губ я никак не мог оторваться! «Бери же, – прошептала она, – бери меня!..» И я подхватил ее – уже мою, всю! – и понес к застеленной кровати с откинутым одеялом...

...Она улыбалась, глядя в потолок своей пестро убранной комнаты. Лицо Марфуши горело, глаза блестели все так же весело, но была в них та утомленность, которая приходит после быстрой и жаркой любовной схватки. Она повернула голову ко мне, утопив пол-лица в своих охристо-золотых волосах.

– Понравилось, а? Петруша, милый?..

Я потянулся к ней, поцеловал в губы, и она, опять улыбаясь, закрыла глаза.

– Сама вижу – понравилось, – прошептала женщина, – любя я тебе, Петрушенька, все вижу...

– Сладкая ты, Марфуша, ой, сладкая, – разглядывая ее лицо, проговорил я. – Еще слаще, чем я думал. И привязаться к тебе, сердцем и плотью прирасти, – проще простого.

Она открыла глаза, таинственно улыбнулась:

– Знаю, голубчик мой, хорошо это знаю...

– Что ты мне хотела рассказать?

– А вдруг просто заманила, не подумал?

– Подумал, Марфуша, но и тут я не в проигрыше, – я заглянул в ее глаза. – Что хотела сказать – говори.

– Два года назад я с одним казаком спуталась – Николой, от одиночества спуталась, тот казак Дармидонту Михайловичу Кабанину служил. Обещал мил-казачок: «Женюсь!» Скортиной он оказался, зверюгой, почему, говорить не буду. У него печатка даже с черепом была, и смертью от него веяло. Вспоминать о нас не хочу, и страшно, и не о том сейчас речь. Никола везде за Дармидонтом Михайловичем следовал. И прежде еще: мы так и познакомились, когда Кабанин к моему хозяину – Павлу Павловичу Сивцову – приезжал. И вскоре после смерти барина моего тоже...

– Ну-ну? – сел я на постели.

– Так вот, – и Марфуша приподнялась на локте, – на второй день после смерти хозяина моего, когда вдова Софья Андреевна в полуобмороке лежала, отец Агафон молитву у покойного читал, а я и заснуть не могла, ворочалась, ночью, слышу, приехал кто-то. Вроде бы двое. Открыл им Митька наш непутевый, но тут же Пантелей Ионович выскочил и Митьку спровадил. Зыркин одет был, точно ждал кого-то. Да он такой – все чувствует! По виду приехали господа. Я вначале подумала, мол, кто-то из соседей помещиков прознал о том, что Павел Павлович погиб, вот и пожаловал, да почему только ночью? Гости – в дом, я платок набросила и вышла: решила проверить, что к чему. Уж больно один мне знакомым вдруг показался. В доме их и не было точно, куда делись? Им бы в столовую пройти или в гостиную. А потом я сообразила: в библиотеке или в кабинете хозяина!

– В кабинете они были?

– Да нетрудно догадаться, Петр Ильич! Не книжки они пришли читать... Я подкралась – они были в кабинете и рылись в столе Павла Павловича, в его секретере. В щелку я приглядывалась – и точно ошпарили меня, кипятком плеснули! Там друг на друга смотрели двое: Дармидонт Кабанин и Зыркин. «Вот он, Дармидонт Михайлович!» – потряс конвертом Пантелей, разорви его в пух и прах. «Точно он?!» – вырвал конверт из рук у того Кабанин. – «Озолочу, коли так!» – «Оно, то это письмо, – сказал Зыркин. – От графа Кураева нашему барину, упокой его душу!» – «К черту его душу!» – рыкнул Дармидонт Михайлович и отсту-

пил. А вот за ними-то стоял Никола, полюбовничек мой! Я тихонько ойкнула, а Кабанин, волк, рывкнул: «Кто тут?!» – «Да кому тут быть? – спросил Зыркин: о золоте уже думал! – Митька разве что бродит!» – «Николка, проверь!» – вновь рывкнул Кабанин. Я отступила, точно ветром меня сдуло от дверей! И когда разбойник этот, проходимец, высунул голову, я уже была далеко – только из темноты коридора и увидела его бороду, усы, да глаза огнем сверкнувшие. «Никого!» – ответил он. Марфуша села на кровати, одеяло сползло с большой белой груди, открывая широкие розовые сосцы. Она обняла колени. – А конверт я этот узнала, Петр Ильич. Видела его в руках «папеньки» нашего – и хорошо запомнила! Увидев меня, он конвертик-то тотчас же в стол – и под замок.

– Да что же такого тайного ему написал граф Кураев? – тоже садясь, спросил я. – Что он, Павел Павлович, его прятал? Или не знаешь?..

– Отчего же не знаю – знаю, – ответила Марфуша. – Была у меня минутка заглянуть в него еще прежде. Оно на французском было...

– Ах, ты негодная, – покачал я головой.

– А ты меня не вини, Петенька, я любопытная просто, – нахмурила бровки Марфуша.

– Про письмо говори, любопытная моя.

– В письме его сиятельство, граф Кураев, писали о некоем «господине Веригине», что выполнял для графа Александра Александровича важное поручение...

– Точно Верегин? – переспросил я.

– Истинный крест! – осенила себя троеперстием Марфуша. – У меня память, Петруша, еще лучше, чем у моих барышень. Так мне учитель говорил. Врал, наверное, – улыбнулась она, – потому что смотрел на меня, как кот на сметану.

– Ты не отвлекайся, солнышко, – попросил я. – Хотя, прав был, что смотрел. И я бы смотрел... Далее, милая.

Марфуша кивнула:

– Ну так вот, этот самый Веригин под Тверью с какой-то бабкой-колдуньей увидели призрака!

– Призрака?

– Да! – воскликнула она. – И как он вырос на дороге, призрак тот, рыжий да косой, и пошел к ним, а извозчик сбежал, а та бабка слепая как закричит: уходи, мол, прочь!

– Ты не перепутала ничего? Не приснилась тебе история эта?

– Нет же, Петенька, – она погладила меня по руке. – Петр Ильич, милый, все как есть тебе говорю, как на духу. Интересно стало – жуть! Только времени было мало все прочитывать – хозяин, царство ему небесное, по нужде выходил, а конверт на столе оставил, вот я его и зацепила. Все я ему назло делала, прости меня Господи, оттого что подружкам моим, дочерям его, одна судьба досталась, а мне, крестьянской девке, грамоте и искусствам обученной, другая. Дворовая судьба, – грустно улыбнулась Марфуша. – Упоминались в письме еще какие-то сокровища, но какие – бог его знает. Я ведь вначале думала, что Павел Павлович любовницу на стороне завел, вот и шарахается от меня с этим письмом, чтобы я чего со зла супруге его, Софье Андреевне, не рассказала. Скажет, мол, еду по делам за границу, а сам в соседнюю губернию – к дамочке какой под бочок. Почему нет? – улыбнулась она. – Может, там и семья вторая имеется? Ошиблась – и хорошо. Я тогда и перекрестилась, и у Господа Бога прощение попросила за мысли скверные. В письме все о делах речь шла, да еще о призраке, и все. А, еще о городе заграничном, Праге! О каком-то английском маге. Ну, проглядела я письмецо это, обратно его положила и забыла о том, пока в ночь по смерти Павла Павловича эти нехристи не заявились сюда.

– Думаешь, это Зыркин навел их на письмо?

– А кто ж еще?! – почти с негодованием встрепелась она. – Пантелей Ионович дела барские лучше других знал! И дела, и что где лежит. У него и ключики от всех ящиков, уве-

рена, свои имелись. Видела я связочку в его столе! А Кабанин, как я уразумела, приплачивал ему за доносы, и хорошо приплачивал!

– Мне пора, – внезапно сказал я.

Марфуша нахмурилась:

– Куда же это, Петруша?

– Просто пора, милая.

– К нему – к Пантелею?

– Догадливая ты, Марфушенька, – покачал я головой, – ох, догадливая! Пойду, поспрошаю у хитреца вашего, про то, как ему тридцать серебряников достались.

– Ну уж нет, – потянулась она ко мне, привлекая рукой, – просто так тебя не отпущу, столько тебе рассказала, что ты моим до самого утра должен быть! – она прижалась ко мне обнаженной грудью, зажигая теплым дыханием, теплым ароматом молодой кожи. – Еще разок милый, еще разок на прощание. Все равно ведь, чую, ветром помчишься отсюда, а когда еще свидимся?..

Я вышел от Марфуши через час – близилось утро. Время, когда темные души гнетут бесовские силы, утягивая обратно – в омут ночи и злых кошмаров! Не хотят их отпускать! В такой час особенно хорошо встать у постели злодея и наблюдать, как ползают тени скрытых мук по спящему его лицу, как вращаются яблоки закрытых глаз, подрагивают веки и кривится рот.

Именно таким я увидел лицо спящего Пантелея Ионовича Зыркина. На его ночном столике уже горела свеча в тонком медном подсвечнике. За дверями, на страже, стоял наспех собранный Степан, готовый к бою: никого не пустить на крики о помощи – и такое могло случиться! Я шлепнул дулом револьвера по щеке камердинера – разок, другой. Третий. Он нахмурился, замотал во сне головой. Я шлепнул его сильнее – и он тотчас же быстро открыл глаза.

– Что?! – не понимая, спит он или бодрствует, хрипло спросил Зыркин. – Кто вы?! – он и впрямь не сразу узнал меня. (Я потянулся к ночному столику и взял в руку тонкий подсвечник, качнул им перед лицом испуганного камердинера.) Пантелей Ионович долго щурился, медленно приходя в себя, и наконец прозрел. – Петр Ильич?! – и только потом увидел в моей руке револьвер – ствол был нацелен ему между глаз. – Это что еще такое?! Зачем?!

– Затем, Пантелей Ионович, чтобы вы знали: я не шутить пришел. А получить ответ. Вы готовы меня выслушать?

– Готов, но...

– Итак, – вернув свечу на место, перебил я его, – я буду задавать вам вопросы, а вы на них отвечать. Ясно?

– Ясно, но...

– Повторяю, я не шучу. Какое-то время назад Дармидонт Кабанин посулил вам хорошую плату за то, что вы будете держать его в курсе всего, чем занимается ваш нынче уже покойный хозяин – Павел Павлович Сивцов. В том числе и отслеживать его переписку. Это так?

– Я не понимаю! – попытался встать Зыркин, но я с силой толкнул его в грудь, и он упал на подушку. – Не понимаю, Петр Ильич...

Я взвел курок, что на камердинера подействовало магическим образом – он мгновенно притих. И только потом я повторил вопрос и вновь спросил:

– Это так: вы следили за Сивцовым?

– Допустим, но у меня не было выбора, – пробормотал Зыркин. – Дармидонт Михайлович угрожал. Кабанин – страшный человек! А его казаки? Ужас!..

– Верю, но сейчас не об этом. Когда вы поняли, что ваш хозяин получил то самое письмо, вы тотчас же сообщили об этом Кабанину. Это совпало с охотой у ваших соседей, куда и отправился Павел Павлович. Вместо того чтобы ехать к Кураеву. Сивцов не мог пропустить этого действия и поплатился за свою оплошность – три казака Кабанина нашли способ выследить его и застрелить.

– Как мне стало ясно, они бы все равно убили его по дороге к Кураеву, – неожиданно зло усмехнулся Зыркин. – К несчастью, все было решено, по какому бы пути он ни двинулся!

– Вы могли бы не передавать весточки, ставшей роковой для Сивцова, черт вас побери! – воскликнул я.

– Мог, но разве я знал, что все так далеко зайдет?! Нет! А потом уже поздно было! Моя жизнь для меня дороже, уважаемый Петр Ильич, чем жизнь хозяина моего! Я подписывался на простую кражу, а вышло как? Но я не желал ему смерти, видит бог, не желал! – лежа, Зыркин тыкал и тыкал в меня пальцем: – А Кабанин и умнее, и хитрее многих! И нас с вами в том числе! Недаром он миллионщик и всем заправляет! Голова! Так вот-с!

Он попытался вновь подняться, но я с еще большей силой толкнул его в грудь:

– Лежать! Вы – мерзавец, я понял это сразу, но не думал, что до такой степени. На второй день после убийства Сивцова, ночью, к вам приехали двое гостей – сам Кабанин и его казак Никола.

– Это еще с чего?! – возмутился камердинер, но слабенько, понимая, что мне известно многое, да и с таким противником, как я, спорить ему будет ой как сложно. – Откуда вы взяли?..

– Знаю, и все тут. Вы лично обыскали кабинет хозяина и отдали письмо Кабанину, который обещал вас наградить. Сколько же он вам дал? – я зацепил его колкий взгляд. – Тридцать серебряников или поболее?

– Да уж поболее! – яростно прошипел Зыркин. – Марфушка, видать, была в те минуты за дверью? Митька или Федька не посмели бы подглядывать, о других и речь не идет! А эта курва так под меня и роет! Она, паскудница, она! – уже с лютой ненавистью прохрипел он. У него даже голос дрожал от гнева. – Стерва!..

– Лучше молчите, мерзавец, – ледяно проговорил я. – Лучше молчите...

– А что тут молчать? Никола ее имел, с Миколой ею поделился, они вдвоем ее на куски и порубят, грешную! Так-то-с, Петр Ильич! Порубят!

– Вот что, свинья, если с ней что-нибудь случится, я тебя найду и прикончу, – мне больше не хотелось цацкаться и быть вежливым с этой змеей. – Слово дворянина: убью.

– Неужто она вас нынче же и обработала, а? Едва я отвернулся, прочь пошел? – он хитро прищурил глаза: – В постельку затащила? Это она умеет! И не от нее ли вы такой распаленный? – Он боялся и меня самого, и револьвера, но говорил, говорил быстро, вздохнул: – Да что вы мне сделаете, что?! Кабанин – сила! Он и вас, и вашего Кураева под себя подомнет! Вы бы лучше уезжали к себе в Самару, Петр Ильич, живее были бы! А мы Марфушу вам отдадим, не думайте, ее сахарку сладенького надо-о-о-олго еще хватит! А если что, и на многих!..

Я усмехнулся:

– Да, первое впечатление меня не обмануло. Мерзавец! А теперь говори, Пантелей, что было в этом письме?

– А что тут говорить, Петр Ильич, по-французски я читать не умею, – усмехнулся Зыркин. – Никак нет-с! Видел его, указал на него, деньги получил – и все дела!

– Убью, – ледяно пообещал я.

Уколов меня взглядом, Зыркин опустил глаза:

– Верьте не верьте, но это так. Я же не Марфуша – языкам меня не учили-с! Услышал я только от Кабанина одно, это когда он письмо просмотрел: «В Прагу поедет, Никола! С

аглицким магом мне свидеться надобно! Дело того стоит!..» Это все, – мрачно закончил Зыркин. – И нечего в меня револьвером тыкать, господин барин!

Я встал с края его кровати, подошел к дверям, приоткрыл их.

– Степан! – негромко позвал я.

Мой спутник вошел в покои камердинера, взглянул через мое плечо и тотчас же крикнул:

– Петр Ильич, пальнет сукин сын! Пальнет!

Я стремительно оглянулся – Пантелей Ионович, как видно вытащив оружие из-под подушки едва я отвернулся, уже взводил дрожавшей рукой курок.

– Опустить оружие! – взревел я. – Немедленно!

Но он не послушался. Прицелился и выстрелил, да еще дважды! И оба раза – в косяк. Вторая пуля прошла у самого уха Степана. Руки дрожали от страха у подлеча! А так бы!.. Третий выстрел не последовал, хотя и должен был – выбросив револьвер вперед, стрелял уже я. Один раз – и точно в ладонь коварного и мстительного камердинера. Завопив, он выронил свое оружие, а я, уже целясь в голову Зыркина, наступал на него.

– Хорошо, хорошо! – прихватив здоровой рукой искалеченную, закрываясь ими, давился от боли Зыркин. – Все, все!.. Ваша взяла, ваша! Будьте вы прокляты, – сжимая что есть силы прошитую пулей руку, прохрипел он. – Оба, оба...

И тотчас же на пороге пламенем выросла Марфуша в той же ночной сорочке и в платке – бледная, перепуганная.

– Да что ж тут такое делается?! – сжимая платок на груди, поспешно спросила она. – Кто стрелял?! – Злобная физиономия камердинера, скорчившегося в постели, кровь по одеялу, да еще револьвер рядышком красноречиво говорили за себя: битва! – А-а, Пантелей Ионович, – протянула она, – а вы, как я погляжу, стрелком заделались? Это с каких же пор?.. Петр Ильич, Петенька, не ранен?

– Нет, Марфуша, – сдержанно ответил я. – Но коли бы не Степан, тут бабушка надвое бы сказала!..

Зыркин нервно рассмеялся.

– А вот и сучка объявилась, – пробормотал он, насколько позволяла ему боль. – Потаскушка наша. «Петенька» вы ей уже! Ух-х! Так я и думал: обработала она гостя от графа Кураева!..

Из-за спины Марфуши и Степана уже выглядывал Митька. А за ним – кучер Сивцовых. «Чегой там, чегой?!» – спрашивал он и тянул вперед бороду, боясь войти. Прибежал и еще кто-то из челяди. И вдруг, всех раздвинув властно, вышла вперед хозяйка – Софья Андреевна, заплаканная, но с гордо поднятой головой.

– Чего вы здесь устроили? – спросила она. – Что за балаган? – глянула на Марфушу. – И ты тут, голубушка? Ну-ну. А не из-за тебя ли баталия? – И тотчас уставилась на меня и корчившегося Зыркина: – Попрошу ответить, кто стрелял?

Я вышел вперед. Чинно, с поклоном, поздоровался. Представился. Имя графа Кураева сразу уравнило наше положение – слишком многим, думается, были обязаны мелкопоместные Сивцовы сиятельному вельможе. Я потребовал закрыть дверь, выставив всех, кроме Степана. Марфушу я отправил за бинтами.

– Уважаемая Софья Андреевна, этот господин, – я кивнул на раненого, – господин Зыркин, камердинер, и был повинен в смерти вашего мужа.

– Господи, – закрыв ладонью рот, пробормотала она. – Пантелей?!

– Это доказало расследование, которое я провел в ближайшие часы, – сказал я. – Подробности позже. Только что Пантелей Ионович хотел убить и меня.

– Пантелей, – с великой горечью повторила она. – Отчего я удивлена, но удивлена мало? Паша слишком многое позволял и доверялся тебе!..

– Прошу до срока никому не рассказывать подробностей этого дела, – попросил я. И уточнил: – Моя просьба – просьба графа Кураева, поскольку я уполномочен говорить от его имени. Больного я осмотрю и перевяжу лично. Я – врач. Но господин Зыркин должен быть изолирован от остальной прислуги ровно настолько, насколько это будет необходимо мне. Надеюсь, вы не станете препятствовать этому, Софья Андреевна? – требовательно спросил я у хозяйки дома.

Глядя уничтожающе на скрюченного в окровавленных простынях камердинера, боявшегося поднять глаза на хозяйку, она отрицательно замотала головой.

– Поступайте, как считаете нужным, Петр Ильич, – ответила хозяйка. – Простите, но я не могу более здесь оставаться. Еще раз простите.

И она поспешно вышла – я только услышал ее сдавленные рыдания. Вернулась Марфуша с нехитрыми медикаментами. Рана была не опасной – я сделал скорую перевязку.

– Бери его за шиворот и тащи в чулан, – кивнув на Зыркина, подмигнул я Степану. – Не дай бог, еще сбежит, тогда к Кабанину подастся. А этого допустить никак нельзя. Марфуша, есть в усадьбе хороший подвал?

– Для такой крысы найдется, – подбоченившись, усмехнулась молодая женщина. – Это ему на пользу пойдет, ой как на пользу! – она покачала головой. – Довоевался, Пантелей Ионович? – Марфуша улыбалась в лицо растоптанному, уничтоженному, да еще и покалеченному камердинеру: по всему было видно, давно она ждала этой победной минуты! – Теперь лапу зализывай, а не то отрежем поутру! Вот и доктор у нас завелся по твою душу. Тебе и одной лапы-то хватит для иудиних дел, подлюка ты старая!

Улеглось все быстро: Зыркина, и не думавшего сопротивляться, в пять минут заперли в надежном месте, ключ доверили Митьке. «Головой за него отвечаешь, – напутственно сказал Степан своему товарищу. – Сбежит – гляди у меня», – доверительно, но строго добавил он.

Митька перехватил мой требовательный взгляд и быстро кивнул. Он и Степана побаивался, а меня еще пуще. Мы отправились на кухню, Марфуша, кутаясь в платок, отстала, понимая, что нам сейчас не до нее.

– Что делать будем? – спросил Степан через четверть часа, когда я наполнил граненую стопку водки и залпом выпил ее. – Что теперь? А, Петр Ильич?..

Я держал в руках моченое яблоко, но закусить позабыл. И впрямь – что теперь? Зыркин продал своего хозяина и подставил его под пулю. Сивцова не вернешь. Сюда казаки вряд ли воротятся. Зачем? Камердинер-иуда был им уже не нужен. С покойным «господином Веригиным» граф Кураев переписывался и делился многим. Но что за призраки возникали на страницах эти писем? Что искал на самом деле Веригин для графа Кураева? Меня злила эта скрытность, которая стоила и времени, и сил!..

– Петр Ильич? – вновь спросил Степан.

– Уезжаем, – сказал я, наконец-то закусив согретым в руке моченым яблоком. – Тотчас же уезжаем!

– А куда?

– К Кураеву, а вот потом – поглядим!

– Возьмите меня с собой, – услышали мы и обернулись. В дверях стояла Марфуша, в кулачках сведя на груди платок. – Нет мне сил тут оставаться, Петр Ильич. Умру я здесь одна. Правда.

Степан вопросительно посмотрел на меня: мой помощник хмурился. Он еще не понимал, что произошло между нами, но догадывался: если она так спрашивает, значит, имеет на то право. Да вот только что случилось за эти короткие ночные часы?..

– Нас великие испытания ждут, милая Марфушенька, – ответил я и улыбнулся. – Жуть крошечная ждет.

Милая? Марфушенька?! Степан нахмурился еще сильнее.

– Иди запрягай, – сказал я спутнику. – Скоро буду.

Степан кивнул, выходя, покосился на молодую женщину, но только с легким поклоном и сказал: «Всего доброго, Марфа Алексеевна».

– Уезжаешь? – не двигаясь с места, спросила она.

– Уезжаю, – ответил я. – Я же сюда, милая Марфуша, не баклуши бить приехал – работать! А работа, видишь, какая? (Пока я говорил, она подошла ко мне, обняла.) Под пули лезть, двуличным мерзавцам, как ваш Зыркин, руки крутить. – И я обнял ее за плечо. – А что еще будет? И представить страшно...

– Все равно возьми, – она подняла на меня глаза. – Возьми, милый.

– Я вернусь, обязательно вернусь, – пообещал я, и вдруг в горле у меня слегка перехватило.

Отчего вдруг дорога мне стала эта женщина? И опасаться я стал за нее! А была еще и ревность! Так хотелось спросить о другом: о двух казаках купца Кабанина! Слова камердинера Зыркина так и звучали в ушах: «Никола ее имел, с Миколой ею поделился!..» Неужто было?! И если было, то как, при каких обстоятельствах? «Они вдвоем ее на куски и порубят, грешную!» – звучала концовка фразы.

– Ты вот что, милая, береги себя, – посоветовал я. – Если узнаешь, что кто-то из людей Кабанина едет к вам, особенно его казачки разудалые, – я говорил как ни в чем не бывало, – лучше спрячься. Я бы Степана оставил, но он мне нужен. А только до Кураева доберусь, к вам двух его людей пришлю – на защиту. Тут всякое может случиться.

Во дворе призывно заржали кони. Я повернул Марфушу к себе, заглянул в глаза, поцеловал в приоткрытый рот. А когда отстранил ее, она закусила нижнюю губу, по щекам ее уже текли слезы. – Прощай, милая, слово даю: не забуду про тебя! И не провожай, пожалуйста, – я быстро направился к дверям, – не надо!

Уже через пять минут мы выезжали на нашей тройке из ворот дома Сивцовых – в колкую предутреннюю метель...

Глава третья. Лицом к лицу

1

Мы летели к границе двух губерний – Симбирской и Семиярской, в поместье графа Кураева. Но на полдороге случилось непредвиденное, изменившее все наши планы. Мы остановили сани в селе Лукоморы, у затрапезной харчевенки, где решили перекусить и согреться деревенской водкой. Подмерзнув, я тяжеленько выбирался из саней, протопал до крыльца, поднялся. За мной шел Степан.

– Замело нас! – сказал я, сбивая с полушубка снег.

– Угу, – кивнул мой спутник, делая то же самое.

Но войти мы не успели. Двери распахнулись перед самым нашим носом – и на крыльцо вывалились два подпитых купчишки в расстегнутых тулупах, с шапками набекрень.

– Понял, кого занесло? – спросил первый, раскуривая трубку. – Мало бочонка водки, ему и так еще сподобилось употребить! Он ее как воду пьет, казачок! Видал я, и не раз! Далека да красна дорожка у племяша моего троюродного, коли так шикует! (Второй купчишка, забивая свою трубку махоркой, кивал.) Эх, Миколка, Миколка, леший его задери! Ведь каким важным стал! А как же иначе – у самого Дармидонта Кабанина служит! Не хухры-мухры!

Я зацепил Степана за рукав, тот, перехватив мой взгляд, кивнул. Мы куда ожесточеннее продолжали сбивать снег с полушубков и валенок.

– Да куда ж они двинулись с бочонком водки-то? – выдыхая струю дыма, сразу подхваченную морозным воздухом, спросил второй. – Видать, далече?

– А туда и двинулись – прямехонько на закат, – сказал первый купчишка, указав широкой ладонью на запад. – Сказал: «Скоро не жди, Никодим, в эвропу, к басурманам едем. С хозяином. Аглицко сукно покупать!» Понял, Трофим, сукно! – потряс он пальцем. – То и понятно! Аглицко сукно всегда было: о-го-го! – первый купчишка сладко выдохнул дым. – С хозяином поехал!

Второй деловито прикуривал свою трубку. А прикурив, пыхнув пару раз, поправил шапку и кивнул:

– Микола у тебя будь здоров! С таким хозяином можно и не тока в аглицки страны, а подальше!

– Во-во, – согласился первый. – Сам Дармидонт Михайлович едет! О-о! Видать, дело того стоит! Вначале, говорит, поездом: в Симбирске, мол, сядем, а потом – фьют! – он опять направил руку на запад. Так торопились, что и не поели: водочку и колбасы с собой прихватили! Забыли, говорит, часть запасов дома-то. Вакула, говорит, заболтался с бабенкой дворовой, у них там шуры-муры, и забыл корзинку прихватить.

Теперь я потащил с головы шапку – надо было тянуть время! Степан тоже стянул шапку с русой головы и стал мелко и старательно колотить ее о рукав. Мы то и дело переглядывались. Пора, ох, пора было остановиться или заняться чем-то другим, выкурить по сигаретке, к примеру!

– Вы так из себя душу выбьете, господа хорошие! – усмехнулся первый купчишка, который, казалось, до того нас и не замечал. Весело пыхнул трубкой. – Пожалели бы себя, барин!

– И то правда, да мокнуть неохота в кабаке, – кивнул я. – А скажите, дорога на Симбирск какая самая короткая?

– Это смотря откуда глядеть? – пожал плечами второй купчишка. – С Переволоков глядеть, – кивнул он вправо, – одно дело, а от Кузьминки, – кивнул влево, – совсем другое!

– Да не от Переволоков и Кузьминки, любезный, прямо-таки отсюда и глядеть, – уточнил я.

– От этого самого места? – спросил тот и кивнул себе под ноги. – От «Кобыльевого хвоста»?

– Ну, разумеется, – как ни в чем не бывало подтвердил я. – От него!

– Да вот эта, – ответил с ходу первый купчишка и вновь полоснул воздух широкой ладонью в сторону запада. – Коли поторопитесь, то впереди сани увидите, вот за ними и езжайте, только не отстаньте, они вас ровнехонько к Симбирску и приведут! Только у тех господ кони-то – у-ух! Залетные! Ваши, как я погляжу, – со знанием дела прищурился он, – тоже неплохие, а?

– Огонь, а не кони, – сурово ответил Степан. – Еды бы нам взять, Петр Ильич?

– Сходи, купи, – сказал я и полез в кошелек за деньгами. – Да поскорее.

– Дай вам Бог доброй дороги! – с поклоном бросил первый купчишка, поклонился нам и второй, и они, спустившись по лесенке, пошли к своим саням.

– Благодарствую! – не сразу бросил я им в спину.

Уже через четверть часа мы гнали наши сани по едва различимой дороге, занесенной снегом, вперед. Но полозья саней, летевших впереди нас, четко указывали направление. И вскоре, оказавшись на высоком холме, по краю которого проходила дорога, Степан крикнул:

– Петр Ильич, глядите же! Внизу! Тпр-ру! – приостановил он коней. – Глядите, глядите!..

Я тотчас же посмотрел влево: там, под холмом, уже проделав путь и скатившись с этой горы, по заснеженному полю вперед уносились сани. В полумили от нас! Ночь была светлой – сани шли по лунному серебру, выставшему снега, на запад. Это несомненно был купец Кабанин и три его казака: Никола, Микола и Вакула. «Это его псы цепные, – вспомнил я слова майора Жабникова. – Янычары! Порвут на части, фамилии не спросят!»

– Поотстанем, Петр Ильич? – спросил Горбунов.

– Поотстанем, Степа, – согласился я.

Нам стоило переждать – никак не выдать себя, не выдать погони!..

Волей-неволей, в силу данного мною слова и вдруг родившихся чувств, я устремился в объятия самого опасного приключения в моей жизни! Потому что моим врагом был человек сколь богатый и влиятельный, столь безжалостный и жестокий. И чем дольше мне выпадет преследовать его, знал я, тем придется быть осторожнее. Если бы Дармидонт Кабанин узнал и десятую часть моих планов, то приложил бы все усилия к тому, чтобы незамедлительно убить меня!..

2

Спустя двое суток мы подъезжали к Симбирску. Эти два дня и две ночи нам стоило больших трудов уходить от внимания неприятеля, отставать и догонять его, незаметными хорониться в тех же селениях, что и он. Моего напарника казаки Кабанина знали по делам его – по сильным рукам и несгибаемой воле. Заметь они его, сразу бы поняли: нечисто дело! Следят за ними! Вынюхивают! Но Степан хорошо справлялся с обязанностями охотника – того охотника, что идет по пятам за страшным и опасным медведем, еще не зная, кто завалит кого и когда.

И вот я стоял под вокзальными часами Симбирска и под его гербом – триумфальной колонне с императорской короной. Скоро мы узнали, куда едет наша четверка. Вернее, узнали маршрут поезда. Вначале – Самара, потом Москва, далее Смоленск, Минск, Брест-Литовск...

«Куда же вы едете, волчье семя? В какую из басурманских стран? Неужто в Прагу? – спрашивал я себя, закрывая лицо газетой, когда по перрону мне навстречу вышагивал мерным хозяйским шагом купец Кабанин в окружении трех казаков – по бокам и за спиной! Последнему досталась ноша – в его широченной лапе тяжело покачивался тугой и широкий саквояж. За ними носильщик в фартуке вез тележку с горой чемоданов. – Но зачем? И что за аглицкий маг вам понадобился?..»

Они восточными султанами прошагали мимо меня, точно им принадлежит мир: все, как один, кряжистые, широченные в плечах, богато одетые, но каждый по-своему. Бороды вперед! В шикарной собольей шубе и шапке сам Кабанин, он шел опираясь на трость; красномордые, в бурках, казаки чинно вышагивали, выпятив грудь, точно мощные цепные псы, готовые порвать любого на своем пути – за хозяина!

«Да!» – думал я, скосив взгляд на ближнего ко мне – по правую руку от Кабанина! Я хорошо помнил фотографию, показанную мне сыскарем майором Жабниковым. Это был Никола, первый из «архангелов» купца-миллионщика, бывший полюбивник Марфуши! Глаза его оказались ярко-карие, усы и борода в рыжину. Проходя, он вдруг скосил на меня острый и колкий взгляд – пронзил точно! Кто таков? Зачем стоишь? Кого ждешь? Но нет... не пронзил! Я умел обороняться от таких взглядов, целиком превращаясь в непроницаемую сталь. И, скользнув по мне, острый взгляд казака лишь царапнул колонну с вокзальными часами и ушел в пустоту...

3

...Поезд покачивало на стрелках. За окошком то и дело улетали назад скромные купола сельских церквушек. Я уже знал, что мы вновь оказались в хвосте у Кабанина – его вагон был ближе к локомотиву.

В купе на двоих я только что сказал Степану:

– В вагон-ресторан пойду один. Тебе лишний раз лучше не бродить по составу, не дай бог наткнешься на этих волков. (Степан кивнул.) Обед тебе принесут. Да, перевяжи, на всякий случай, щеку платком: мол, зубы прихватило. Знаешь, береженого Бог бережет. А я пойду присмотрюсь, кто тут и что. Часа на два уйду. За меня не беспокойся.

И я вышел. Ресторан находился через вагон. И через вагон от ресторана, но уже в сторону головы состава, обосновалось воинство Кабанина. Вышло так, что я попал в самый обеденный час. Только что повар и его подручные приготовили украинский борщ, пожарили уток, нарезали колбас и сыров, красной рыбы и простой селедки с овощами. Был и разный коньяк, и водка, и на любой вкус вина, и свежее пиво. И все, кто добирался до Симбирска из разных уголков губернии, набросились-таки на эти яства! Ножи и вилки стучались в тарелки, лязгали друг о друга. Вагон-ресторан понемногу закипал и все больше напоминал гудящий улей. Мне досталось отличное место – у окна в дальнем углу вагона, так что я мог обозревать всех жующих. Но едва я сел, как тотчас же мой стол облепило зажиточное семейство: полнеющие супруги и юная дочка. То и дело перехватывая мой взгляд, она страшно краснела и опускала глаза. А папа ее все говорил и говорил мне о продаже русской пеньки в Америку для яхтенных канатов заокеанских нуворишей, горячо отстаивая свой «далеко бегущий» проект. Но если они ели неспешно, то я так просто смаковал свой обед! Глотал в час по чайной ложке. И как же иначе: надо было дожидаться моих казачков! «Неужто они будут трапезничать в купе? – то и дело размышлял я. – Не может быть!..»

– Да вы гурман, Петр Ильич! – допивая чай и утираясь салфеткой, усмехнулся отец семейства. – По-аглички едите, с расстановочкой, с аристократической ленцой, можно сказать!

– Да я вообще англоман, – оставалось усмехнуться мне. – Особенно в еде! И такой лентяй, знаете!..

Откланявшись, семейство удалилось, и едва я в последний раз увидел розовое от смущения личико обернувшейся ко мне дочки и ее улыбку, как в ресторан – через двери рядом со мной – вкатилась, ухая тяжелыми голосами, грозная, воинственная тройка. Кабанин и два казака. Лица с фотографии майора Жабникова глубоко врезались в мою память, я хорошо запомнил каждого из своих врагов. И кто есть кто, в том числе. Никола, зыркнув на меня, тотчас же отгородил спиной и руками мой стол от остальной прибывающей публики.

– Дармидонт Михайлович, будьте любезны! – сказал он. – Рядом с этим господином!

И Кабанин, тоже посмотрев на меня, сел напротив. Как же хороша была его седеющая борода! На нем, стареющем великане, изысканно сидел шикарный европейский костюм, сшитый по самой последней моде. Вообще этот медведь выглядел так rispetабельно, что всем своим видом внушал естественный трепет!

– Приятного аппетита, сударь, – глядя мне в глаза, сказал он.

«Вот мы и лицом к лицу!» – подумал я. И ответил:

– Благодарю, и вам заранее желаю того же.

Рядом с Кабаниным сел Никола, рядом со мной – Микола, отгородив меня от коридорчика между столами. Третьего казака Вакулы не было. Несомненно, он сторожил тот самый чемодан, который нес казак Микола! На пальце Николы сверкнула золотая печатка с чере-

пом и костями. Веселый Роджер! Первый из казаков Дармидонта Кабанина даже не скрывал своей пиратской сути.

– Чудный день! – улыбнулся я своим соседям. – Не так ли, господа?

– Это мы к вечеру увидим, какой он чудный, – улыбнулся Кабанин. Голос у него был густой и зычный. – Раньше полуночи, сударь мой, грех судить: кто его знает, что еще приключится? – и он подмигнул своим казакам, и его здоровяки тотчас же горласто засмеялись. – Так вот, – обратился Кабанин к протиснувшемуся официанту. – Нам балычка осетрового, блинчиков с красной икоркой, – он раздумывал, – отдельно икорки черной, паюсной, севрюжьей, утку вашу. Она с яблоками?

– С ними-с!

– Ага, – почесал подбородок купец. – Расстегайчиков, водочки – графин этак литра на полтора. – Он вдруг посмотрел на меня и, точно сделав открытие, добродушно улыбнулся: – А вы с нами не соизволите, сударь, за здоровье выпить?

– Соизволю, – даже не спросив себя, насколько это может быть опасно, поспешно ответил я. – С хорошим человеком выпить, да еще в дороге, одно удовольствие. Это по-нашему, по-русски.

– Верно, – охотно кивнул Кабанин. – Тогда двухлитровый графин. Котлеты по-киевски и пирог с яблоками. – Ступай, да неси поживее! – Кабанин обвел довольным взглядом сотрапезников. – Голодны мы!

Официант кивнул и мигом ввинтился в очередь из пассажиров, скупающих продовольствие и к столу, и на вынос. Мест в ресторане на колесах на всех не хватало!

– Купец первой гильдии Дармидонт Михайлович Кабанин, – представился главнокомандующий маленькой, но грозной армии.

– Илья Петрович Радонежский, – ответил я с поклоном, назвав девичью фамилию нашей с Иваном покойной матери. – Дворянин, врач.

– Врач – это хорошо! – с прищуром кивнул Кабанин. – Благородная профессия! А куда путь держите, доктор?

– В Малороссию, к дядюшке, он, как мне написали, плох, вот и решил навестить старика, – я умел врать не моргнув и глазом. – А вы, Дармидонт Михайлович?

– А я еще далее, – усмехнулся он, пригладив засеребренную бороду. – В Европу! По торговым делам. (К нашему столу уже торопились, ловко обходя посетителей, два официанта с полными подносами.) А вот нам и балычок осетровый несут!..

Мы хорошо выпили водки и крепко закусили. То и дело я ловил на себе взгляд как самого Кабанина, так и двух его телохранителей. Они выпили только по две рюмки водки и остановились. Я не сомневался, то норму им обозначил хозяин.

– А вот знакомо мне ваше лицо, и все тут, – вдруг, уже раскрасневшись, сказал купец. – Где я вас видел? А не в Самаре ли, пару лет назад, на городском балу в честь новоиспеченного генерала Палева, начальника городской полиции?

Да, я был на том самом балу два года назад! Его устраивал губернатор в честь Фомы Никитича Палева, в свои шестьдесят пять лет получившего звание генерала управления полиции и титул тайного советника. Палев не просто хорошо знал меня и уважал, но когда я временами жил в Самаре, часто пользовался моими услугами сыщика!

– Не имел чести ни быть на том балу, ни лично знать Фому Никитича Палева, хотя, – я зацепил вилкой кусок осетрины, – фамилию слышал от кого-то. Я ведь на самом деле питерский, в провинции от случая к случаю бываю.

– Странно, ой, странно, – покачал головой купец, наливая водки себе и мне. – У меня, знаете ли, Илья Петрович, волчья память, – улыбнулся он, показав крупные и крепкие зубы, и цепко поглядел на меня. – Увижу раз – не забуду. – И утвердительно кивнул: – Помнить век стану! До смерти.

– Дело в том, что и у меня память, как вы изволили выразиться, волчья, – спокойно улыбнулся я. – И уж вас, Дармидонт Михайлович, я бы никак не забыл, тем более, что вашу фамилию, если признаться честно, слышал мно-ого раз! И фотографии в газетах видел. – И я поднял стопку. – Я – человек обычный, вы – незабываемый! Ваше здоровье!

Мы выпили, но теперь вдвоем. Оба казака только с завистью поглядели на нас. Видать, Кабанин не больно давал им разойтись за столом. И все из-за саквояжа, не сомневался я! Моя открытая лесть, кажется, пришлась Кабанину по душе, и подвоха он не заметил. А деваться мне было некуда. Ведь стоило подозрительному Кабанину первому выйти на аппарат Палева, дать по телеграфу мой словесный портрет, и моя ложь станет явной! Купец тотчас же узнает, с кем он был на том балу и кого угощал водкой в вагоне-ресторане поезда дальнего следования!

– Пойду-ка я в галюн схожу, подперло-таки, – вставая и бросая салфетку, усмехнулся Кабанин. – Да не преследуй ты меня, Никола! – нахмурился он, глядя, что казак, утерев ладонью масляный рот, тоже решил встать. – Никто меня тут не съест! Сам любого проглотит! – сказав это, он отчего-то взглянул на меня и дружески подмигнул.

«Надо, надо было назваться своим именем! – думал я, искоса провожая взглядом гиганта. – Надо было сказать, кто я, сыграть открытыми картами. Мало ли, куда и зачем следует капитан в отставке Петр Ильич Васильчиков, какое тайное распоряжение получил он, скажем, от того же губернатора города Семиарска?! Ищет беглого казнокрада, и все тут! Поди проверь!»

Едва он вышел, как Микола вопросительно подмигнул товарищу. Тот в ответ кивнул, и первый наполнил стопки до краев. Казаки опрокинули их разом, тотчас же налили еще и так же стремительно выпили. Они не обращали на меня никакого внимания! На взгляд двух цепных псов мой разговор с их хозяином был лишь прихотью всемогущего дельца. Я их, как личность, не интересовал. Подумаешь, еще один сотрапезник! Докторишка! Россия большая, кто часто путешествует, у того таких знакомцев с избытком! Но ведь узнал меня Кабанин, как зыркнул глазами, едва пригляделся!..

Казаки выпили и по третьей, крикнули. И тогда я услышал негромкий голос Миколы:

– Сколько мы там пробудем, а, Никола? Тебе Дармидонт Михалыч ничего случаем не говорил?

– Не более, чем тебе. А куда нам торопиться, Микола? Пивком чешским побалуемся, говорят, оно получше нашего будет.

– Пивко, может, и получше, а вот бабы у них похуже, – кивнул Микола. – Бледные, как поганки. У них лучших баб немчура к себе перетаскала, – рассмеялся казак. – Лучше бы в Польшу закатили – вот где красотки! Златовласки белокожие! Или в Румынию нырнули, к смуглянкам в соку.

Два зверюги под аккомпанемент вагона-ресторана и дальше распространялись о чужеземных женщинах. Как видно, Миколу этот разговор бодрил особо. Меня они не стеснялись. Пока Микола не упомянул «золотой сундучок». И только тут... Давно уткнувшись в «Симбирские ведомости», время от времени шурша газетой, я даже и не смотрел в их сторону, но почувствовал, что они потихоньку уставились на меня. Косо, настороженно. Видимо, зашли далеко Никола и Микола в своем трепе.

Я хорошо сыграл свою роль! Пренебрежительное «А-а!» (мол, «да хрен с ним»), которое издал берясь за расстегай Никола, все сказало само за себя. И далее последовало: «А как того мага кличут?»

– Да почему я знаю? – негромко выговорил Микола и усмехнулся: – Таких магов, знаешь, как спрашивать надо? Ну, знают они чего или нет?

– Ну?

– А я тебе скажу. Только выпьем вначале.

Они впили, и Микола продолжал:

– А ну, подь сюды, – поманил он пальцем невидимого героя. – Ты маг? Добре. А ну, снимай портки. Сам не снимешь, – он сжал страшный кулак, – поможем. А теперь раком вставай!

Из-за края газеты я следил за ними. Выучка! И удержаться не мог – такие персонажи! А Никола сделал большие глаза – повествование увлекло его.

– Ну?

– А что, ну? – плечи Миколы вздрагивали от смеха. – И кочергу ему раскаленную по самое нехочу!

Николу тоже мелко потряхивало от смеха.

– Коли знает: все и расскажет. А не знает, – Микола широко развел руками, – тогда извиняйте! Какой же ты после того? Так, рыбачок!

– Точно! – кивнул его товарищ. – Может, так и сделаем, а?

– Дармидонт Михалыч не позволит. Были бы мы где-нибудь у Черного болота, на Ветряном хуторе, тогда да.

– Тс-с! – остерегающе бросил Никола.

– А-а! – отмахнулся Микола и потянулся к графину. – Выпьем!

Они, разом в меру захмелевшие, в очередной раз чокнулись и выпили. Я читал газету и диву давался. Видно, дела у четверки шли так гладко, что не заставляли быть подозрительными или даже собранными. Все шло как по маслу. Оттого казаки вели себя нагло, и особенно в отсутствие хозяина. Но кто бы мог предъявить им претензии за пустую болтовню?

– Сколько ж там может быть схоронено, а? – спросил Никола.

Вагон-ресторан, полный обеденной жизни, качнуло.

– Да столько, что Дармидонт Михалыч всю Волгу купить сможет и вспять ее повернуть, коли ему так захочется, – откликнулся Микола, но тут двери открылись, и с шумом колес тучей вошел Кабанин. С хлопком закрыл дверь вагона. Никола подскочил, освобождая ему место.

Я больше не интересовал грозного Кабанина – он гневно глянул на обоих казаков, и те присмирели.

– Что, черти, не закон вам мое слово? – он, полный грозы, завис над столом. – Не-а, не закон, да? – купец и впрямь был не в себе. Видать, на казаков можно было положиться в драке, но когда дело касалось веселья – пойдй уйми! – Так бы и дал каждому по затрешине, да людно больно! – тон его вдруг изменился. – И сколько ж они, Илья Петрович, выдули в мое отсутствие?

Казаки исподлобья строго глянули на меня, «доктора», и притихли еще пуще.

– Я газету читал, Дармидонт Михайлович, не следил за вашими удалцами, – улыбнулся я сотрапезникам. – Но по полрюмки точно приняли! Подгадали времечко!

Казаки вздохнули свободнее.

– Ладно, по полрюмки еще куда ни шло, – он прищурил один глаз. – Хотя, графин-то поубавился...

Кабанин уселся на свое место. Я же, свернув газету, щелкнули пальцами официанту – он как раз проходил мимо.

– Счет, любезный!

– Покидаете нас? – спросил Кабанин.

– Увы, – расплачиваясь, ответил я. – Пойду отдыхать.

– По последней? – спросил Кабанин.

– По половиночке, – улыбнулся я и многозначительно взглянул на обоих казаков.

– По половиночке, так по половиночке, – пожал плечами купец.

Мы выпили коротким залпом, и я, выдохнув в кулак, встал. Уже был и сыт, и довольно во хмелю. Поднялся с поспешностью и Микола – пропустить меня.

– Надеюсь, еще увидимся? – отваливаясь на спинку стула, неожиданно спросил Кабанин.

– Непременно-с, – отчеканил я.

Поклонился, вышел в проход между столиками и зашагал через вагон.

Я уже точно знал, что в этом поезде мы с купцом Кабанином и его архаровцами увидимся вряд ли! Войдя в свой вагон, я нервно размышлял. Скрывать моего напарника Степана долго было никак нельзя. Выйдет хотя бы в туалет, и столкнется лоб в лоб с одним из казаков. Случайно! «Ага! – подумает тот же Никола. – Кураевский!» Куда мужик едет, который их высмеял? В каком купе? Один? – враки! Подкупят проводника, все узнают. А тут и я выплыву – куда денусь? Кабанин и поймет: слежка! А казачки-то вспомнят, о чем болтали! Не такие они и пьяные – так, слегка навеселе. Самое время языками потрепать!

И потянется клубок!

Я знал главное: место, куда ехал Кабанин и его казаки с грузом – тяжелым саквояжем. Австро-Венгрия, Чехия, Прага.

Впереди была моя родная Самара. Незадолго до станции я сказал своему молчаливому спутнику:

– Степан, я тебе лицо еще пуще забинтую, иди в самый конец вагона, оттуда уйдешь на перрон. Я выйду из своего, но первым. Проводник узнает, что у меня приступ...

– Какой еще приступ? – нахмурился Степан.

– Аппендицита, вот какой, – строго ответил я. – Голову не ломай. Если Кабанин и его казаки решат найти меня, то узнают всю «правду».

Еще через два часа мы идеально осуществили наш план: Степан, в шубе, с забинтованным лицом, вышел в самом конце вагона и тотчас же испарился с перрона. А я, держась за живот, покинул поезд с достоинством римского императора, готового возлечь в горячую ванную и вскрыть себе вены.

Еще через десять минут поезд уносил купца Кабанина на запад, а мы со Степаном, глотая морозный волжский ветер, смотрели вслед последнему вагону состава.

– Вам, главное, беду на себе не накликай, – очень серьезно заметил мой помощник.

– Какую еще беду? – теперь уже нахмурился я.

– Апендикцит, – еще более серьезно сказал Горбунов, стаскивая бинтовую повязку и комкая ее в кулаке.

– А-а! – качнул я головой. – Ну, постараюсь, постараюсь... Следующий поезд в нашем направлении через три часа. Пошлю извозчика к брату – вдруг дома, не на вызове? Хотя вряд ли...

Сам же я направился к директору вокзала и потребовал соединить меня с начальником полиции. Увы, генерал Фома Никитич Палев уехал в Петербург. Тогда я послал телеграмму Кураеву. Я просил графа обеспечить охрану поместьем Сивцовых, более других – Марфе Алексеевне Пряниной, и ни под каким предлогом не выпускать предателя – дворецкого Зыркина.

Выйдя на вокзальную площадь, я вдохнул морозный воздух и кивнул Степану:

– Полдела сделано.

А минут через пять у тротуара остановился экипаж. Из него выпрыгнул мой брат Иван Ильич в расстегнутом полушубке и, выглядев меня, бросился к нам.

– Как ты?! Откуда?! Почему не домой?! – он так и тряхнул меня за плечи. Покосился на молча кивнувшего ему Степана. – Дела?

– Они, родимые, – кивнул и я.

– Ясно, – он вновь покосился на моего крепкого и молчаливого помощника. – И что, опасные дела-то?

– Пугать не буду, но, думаю, как всегда. Как всегда у меня, – с улыбкой добавил я. – Не бери в голову, братец!

– Помощь нужна? – спросил Иван.

– Справимся, – кивнул я. – Позволь тебе представить: мой помощник Степан Горбунов. Иван Ильич Васильчиков. Мой младший брат. Врач.

– Очень приятно, – с почтением кивнул Степан.

Иван пожал крепкую руку Кураевского удальца.

– Ого! Пожатье каменной десницы!

– Да, с такой рукой мало кто совладает, – кивнул я. – Идем, посидим в вокзальном ресторанчике. Я бы минералки выпил – изжога у меня после одной посиделки в вагоне-ресторане. Никак дурь не выйдет! Нет, лучше пивка нашего от фон Вакано. – Погрозил пальцем. – Именно – пивка!

В ресторане вокзала мы заказали пива и воблы.

– Вот что, Иван, – очень серьезно сказал я, отставляя кружку. – Ты спросил, нужна ли помощь. Нужна, но в одном.

И тотчас же попросил у официанта лист бумаги, чернила и перо.

– Я звонил от директора вокзала Фоме Никитичу, но он в Петербурге, – продолжал я. – Через заместителей и адъютантов ничего передавать не стану, кто его знает, у кого что на уме. А вот ты поможешь...

Иван живо кивнул. Мне принесли писчий набор. И пока брат и Степан тянули пиво, я взялся за письмо.

– Передай сразу, как только генерал Палев объявится, – я протянул Ивану сложенный вчетверо лист бумаги. – И скажи так: «Петр Ильич просил во имя вашей с ним дружбы, если дело и впрямь начнется, выполнить его просьбу неукоснительно, не отступать от написанного ни на йоту. От этого может зависеть его жизнь».

– Вот даже как? – принимая письмо и пряча его в нагрудный карман, спросил мой брат.

– Да, Иван, все так.

Нам повезло. Еще через несколько часов Иван Ильич посадил нас со Степаном на поезд «Самара – Москва». Он шагал вдоль окон нашего вагона, пока поезд черепашьям шагом набирал ход, то и дело цепляя взглядом мои глаза за стеклом.

Но Иван даже не предполагал, что ждет впереди его старшего брата, каким делом он позволил увлечь себя.

Я все рассчитал правильно. Земли и города Российской империи сменяли друг друга, мы отставали от нашего противника, но не надолго. Я смотрел в окна на те города, где уже бывал, и часто, и где с радостью бы провел недельку-другую, но сейчас они были для меня лишь сменой декораций: Москва, Смоленск, Минск, Брест-Литовск, Краков... Но вот граница Российской империи подошла к концу и началась Австро-Венгерская империя, одной из второстепенных столиц которой и была Прага...

Глава четвертая. Разговор с призраком

1

Как же чудесен был этот средневековый облик город в конце декабря! Город на холмах, тонувший в мягкой европейской зиме! Как уютно было все тут! Прага расцвела в середине четырнадцатого века, когда стала столицей Священной Римской империи. Всесторонне образованный император Карл Четвертый, чех и урожденный пражанин, позаботился о том.

Пražский Град разрастался на глазах и всех удивлял красотой.

Снег лежал на тысячах черепичных крыш, островерхие крыши соборов и башен устремлялись в молочное небо. И подмерзшая Влтава расходилась рукавами через весь город, и Карлов мост, шедевр средневековой архитектуры, мост из сказки, камень в основание которого положил сам император, крепко соединял два пражских берега. Когда-то именно тут, в городе, до неприличия терпимом ко всем религиям мира, поселялись маги и «волшебники» всех мастей, чтобы увлекать правителей – королей и герцогов – своими фокусами, удивлять и зарабатывать звонкую монету. Сюда слетались великими тучами еврей-каббалисты, ускользая от инквизиции и гонений, образуя целые кварталы, становившиеся также рассадниками всевозможных эзотерических вероучений и ересей.

– Да-а! – протянул Степан, оглядывая городские улицы. – Городок-то, Петр Ильич, прям скажем: чудесный!

– Еще какой чудесный! Сказочный! А сколько тайн и загадок хранит он! – многозначительно подмигнул я.

– Это каких же загадок?

– Каких? – улыбнулся я. – Расскажу...

Мы поймали пролетку, погрузили багаж, и вскоре пара понесла нас по Пражскому граду.

– Надо бы тебя спрятать от греха подальше, – сказал я Степану. – Да как бы не выбрать ту же гостиницу, что и Дармидонт Михайлович! Хотя, я отчего-то уверен, что он поселится там же, где будет и аглицкий маг, на Гостином дворе упомянутого пана Грачека за площадью Крестоносцев. А стало быть, мы выберем маленькую гостиницу где-нибудь неподалеку.

Свое желание я растолковал вознице. Тот живо кивнул: «Добрже, пан!»

– Два века назад, Степа, – продолжал я, – тут, в Праге, жил некто Махараль Йехуде Бен Бецалель.

– Жид? – нахмурился Степан.

– Именно так. Еврей-каббалист, настоятель местной синагоги. Так вот, однажды он вылепил из глины человекообразное существо – Голема...

– А зачем?

– Забыл упомянуть. Он завидовал славе Господа, который вылепил из глины Адама.

– А-а! Вон куда замахнулся! И что же дальше? – выдыхая легкий пар, спросил Степан.

– Догадайся.

Степан поморщился:

– Да я не такой шибко умный, как вы, Петр Ильич. Не сумею.

– Бен Бецалель решил оживить своего Голема.

– Истукана?!

– Именно, – кивнул я.

– Да как же наглости-то хватило жиду?

– А вот хватило! – усмехнулся я. – Эти еврей-каббалисты большие хитрецы! Хотели заполучить все тайны мира и владеть этим миром безраздельно. Бецалель вложил в глиняный рот истукана тетраграмматон – четырехбуквенное непроезносимое имя Бога.

Степан перекрестился:

– Неужто возможно такое, Петр Ильич?

– Легенда говорит, что да, возможно. И, представь себе, Голем ожил.

– Как ожил? Да неужто?

Забавно было видеть такую реакцию от сильного и отважного Степана, гнувшего пятаки и подковы и стрелявшего почище Вильгельма Телля.

– А так. Его глаза открылись и он произнес: «Что нужно, хозяин?»

– Аж мурашки по коже, Петр Ильич...

– Еще бы! Каббалист Бен Бецалель не только оживил истукана, но и заставил его служить себе. Но дело вдруг приняло особый оборот...

– Какой такой особый?

– Души-то у истукана не было. Вначале он исполнял только волю хозяина, но потом... Голем стал исчезать из дома Бецалея. Он уходил в ночь, бродил по ночной Праге и вершил то, что ему заблагорассудится.

Мой слуга перекрестился вновь:

– Вот ведь племя-то какое!

– О ком ты?

– О том, кто слепил этого Голема!

Я рассмеялся.

– А чем все закончилось, Петр Ильич? Поймали его, глиняного человека?

– По легенде, он оживал только ночью. Однажды днем к Бецалелю ворвались пражане и раскололи Голема. – Я выпянул из пролетки. – Да и самому каббалисту досталось... Кажется, подъезжаем.

Возница отвез нас на Старомесскую площадь в гостиницу «Черная курица». Я записался паном Василем из Киева. У хозяина «Черной курицы» служил его сынишка, Матей, расторопный мальчуган, его я и послал в «Гостинный двор» пана Грачека на площадь Крестоносцев. Вскоре мой гонец вернулся.

– Через два дня, пан Василь, у пана Грачека ждут гостя из Англии, все его зовут великим магом. Он будет устраивать сеанс...

– Что за сеанс? – спросил я. – Ты узнал?

– Да, пан Василь, – кивнул умный мальчик. – Мой друг, Йозек, сын пана Грачека, по секрету рассказал мне о том.

– Так-так-так, – переглянувшись со Степаном, оживился я. – Говори, Матей.

– Этот маг будет разговаривать с мертвыми...

Степан отступил и перекрестился уже в третий раз за сегодняшний день. Кажется, Прага переставала ему нравиться.

– Спиритический сеанс? – догадался я. – Верно?

– Да, пан Василь! – кивнул мальчишка. – Спиритический сеанс! Так и было сказано. В гостинице уже селятся разные люди, которые специально приехали за тем, чтобы поговорить с мертвецами.

– Милостивый Господи, – пробормотал Степан. – Что ж такое делается?

– Как интересно, – потер я руки. – Там есть четверо здоровенных русских, богатых, при оружии?

– Есть, – кивнул Матей. – Они купили лучшие номера!

– Не сомневаюсь. Ну а имя этого мага... ты не узнал?

– Йозек обещал узнать его сегодня вечером, написать и передать мне.

– Отлично, – кивнул я. – Ты молодчина, – я отсчитал пять крон и положил на ладонь мальчика.

– Тут больше, пан, – осторожно предупредил мальчик.

– Я знаю. Еще получишь столько же, когда скажешь мне имя мага и расскажешь все подробности будущего сеанса.

Матей улетел. Мы заказали в номер жареную утку с квашеной капустой, маленький бочонок только что сваренного пива, каравай и сели за трапезу.

– А что такое спиритический сеанс? – осторожно, точно речь шла о чем-то запрещенном, спросил с набитым ртом Степан. – Что за дьяволыщина такая?

Я сделал добрый глоток из литровой деревянной кружки.

– Наука говорить с мертвецами.

– Да неужто такое возможно?

– Еще как возможно, – я откинулся на спинку стула. – Эта наука молодая, ей всего пятьдесят лет. Неужто ты ничего об этом не знаешь?

– Ни сном ни духом, Петр Ильич, – замотал тот головой.

Как видно, общение со мной открывало для охотника и слуги Степана Горбунова много нового, о чем он прежде и не задумывался.

– Ну хорошо, я просвещу тебя. Это случилось в 1848 году, в США, в штате Нью-Йорк, в городке Гайдсвилле, на ферме некоего мистера Фокса. В его доме вдруг стали раздаваться стуки и шумы – это отметила вся семья Фоксов. Стуки были и тогда, когда вся семья была в сборе и разыграть никто никого не мог.

– Неужто домовой?! – трепетно спросил Степан.

– Угадал! – усмехнулся я. – Фоксы скоро поняли, что природа этих стуков находится за пределами нашей реальности. Они шли из великой бездны. Из вечной ночи. Или вечного света? Оттуда, откуда мы вышли и куда однажды вернемся. Отважная средняя дочь Фоксов, Кейт, так и сказала своим родным: «Я знаю, к нам стучат из другого мира».

Дюжая рука Степана дрогнула. Оставив жирное крыло утки, подумав, он вновь осенил себя крестным знаменем:

– Господи, прости.

– Ты теперь будешь всякий раз креститься? – улыбнулся я. – А, бесстрашный Степан?

– Я бесстрашный, покуда живых вижу. Кого я пощупать могу да кулаком садануть. А призраки... – он покачал головой, – тут другое. И потом, неправильно это, Петр Ильич, лезть в дела мертвых.

– Ты слушай, слушай, умник! – Я наполнил наши кружки темным пенным напитком. – Понял?

– Понял, Петр Ильич.

– Так вот, эта самая Кейт и вошла в контакт с той сущностью, которая стучала по стенкам дома Фоксов. Она даже разработала алфавит и код для общения с потусторонней личностью. Один стук – нет, два стука – да, и так далее. Гостя из другого мира она назвала «пришельцем». Он открылся Кейт, ее семье и соседям, что был торговцем – ограбленным и убитым, и похороненным под одной из стен этой фермы. Позже именно там и нашли останки человека.

– Эка, – вновь покачал головой Степан.

– Точно так. Позже люди тысячами приходили с округи к Фоксам, задавали пришельцу вопросы и получали ответы. Со временем и другие сестры Фокс, не только Кейт, обнаружили у себя медиумические способности...

– Это что за способности такие?

– Быть проводниками из одного мира в другой. Разговаривать с мертвецами, одним словом. Сестры Фокс переехали в Рочестер и в течение нескольких лет стали известны всем

Соединенным Штатам. Еще ни одна религия на земле не распространялась с такой удивительной силой и мощью, как новая религия спиритуализма, – читая на скорую руку лекцию, я старался быть как можно более понятным. – Ведь в этой религии все оказывались равны; не нужны были ни священники, ни папы римские, ни патриархи, и каждый мог вступать в диалог с потусторонним миром, когда ему заблагорассудится. А самое главное, люди хотели узнать, как там их умершие родственники, как живут-поживают и что им самим ждать после смерти? В спиритуализм бросились и серьезные ученые, профессора и академики с мировыми именами, и отпетые мошенники, и люди искусства, и писатели, и священники, и авторитетные политики! – закулив папиросу, я посвящал своего товарища из народа в те тайны, в которые сам, если говорить честно, верил с большим трудом. Но куда деваться, если мир захватил настоящий спиритуалистический бум! – Мир мертвых, Степан, отныне приглашал всех! – кивнул я. – Двери были открыты настежь! Общайся – не хочу. Книги об этом общении стали выходить тоннами, миллионы людей по всему миру оказались втянуты в новую религию, где каждый был по-своему горазд. Ровно пятнадцать лет назад, в 1873 году, была учреждена Британская национальная ассоциация спиритуалистов, а еще через два года знаменитый английский ученый и путешественник Альфред Рассел Уоллес выпустил свою знаменитую, уже ставшую классикой жанра, книгу под названием «О чудесах в современном спиритуализме». Читал, и скажу: очень интересно! Вот такая вот краткая история новой мировой религии. Как видишь, не все так страшно!

Степан с пониманием кивнул.

– Я бы с дедушкой своим покойным, Прокопием, не отказался бы перемолвиться. – Он хорошенько отпил пива, поставил кружку, утер тыльной стороной ладони рот. – Уж больно любил я его, Петр Ильич, – в глазах его блеснули слезы. – Так любил...

– Кто же пожаловал сюда, на берега Влтавы? – спросил я. – Из великих спиритуалистов для сегодняшнего? Ничего, подождем, скоро все узнаем...

Когда луна засверкала над черепичными крышами Праги, когда башни и черные шпили проявились на фоне синего неба, к нам постучали.

Это был Матей.

– Ну? – спросил я.

Он протянул бумажку.

– Посвети, – сказал я Степану.

Тот поднес свечу, и я не без труда прочитал детские каракули:

– «Уильям Баррет». – И тотчас поднял глаза на своего помощника и слугу: – Быть такого не может!..

– Кто он? – шепотом спросил Степан.

– Великий маг! – просиял я. – Сэр Уильям Баррет. Знаменитый британский физик. Основатель Общества психических исследований. Если здесь нет путаницы, всем нам крупно повезло!

Я отдал Матею еще одну крону.

– Вот что, мой юный друг, – сказал я, – ты дашь мне знать, когда этот человек придет к пану Грачеку. Пусть о том позаботится Йозек. И еще, передай Йозеку, что, когда сэр Баррет придет, мне от него, Йозека, понадобится большая услуга. Все ваши заботы будут оплачены. А теперь ступай, мой юный друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.